

Юрий Григорьевич Корчевский
Сибиряк. В разведке и штрафбате
Серия «Война. Штрафбат. Они сражались за Родину»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16898720
В разведке и штрафбате / Юрий Корчевский: Издательство «Э» : Яуза; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-84367-1

Аннотация

Он вырос в глухом сибирском поселке, в роду охотников-промысловиков, и стрелять научился раньше, чем читать и писать.

На передовой его прозвали «Сибиряк» и «Охотник» – он умеет маскироваться на «нейтралке» не хуже, чем в тайге, и отстреливает гитлеровцев, как дичь: на его снайперском счету уже под сотню врагов.

Но фронтовая судьба переменчива – и Сибиряку придется воевать не только снайпером, но и минером-подрывником, и диверсантом, и в войсковой разведке, и в штрафбате...

Читайте новый военный боевик от автора бестселлеров «Фронтовик» и «Танкист живет три боя»!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Юрий Корчевский

Сибиряк. В разведке и штрафбате

Глава 1

Новобранец

Алексей попытался удержать равновесие на бревне, перекинутом через ручей. Но бревно предательски повернулось, и он упал в воду. Выбравшись, разделся догола, отжал одежду. И надо же, как его угораздило! Вода в июне холодная, Сибирь – не Кавказ. Завтра уже возвращаться с охотничьей заимки домой, и вот – нате, вымок. Он оделся и бегом бросился к избушке – на бегу одежда быстрее просохнет. Ему больше было жалко ружья – при падении вода попала в механизмы.

В избушке он вновь разделся, повесил на веревку одежду и стал разбирать «фроловку» – так называли винтовки Бердана, рассверленные до 20-го калибра. Хорошее ружьецо, еще отец им владел. Он и сейчас жив, только стар стал, глазами слаб, на охоту уже не ходит. А Леха охотой промышлял, кроме «фроловки» еще «мелкашку» имел. У нее патрон слабый, но дешевый, и вес маленький, что на ходовой охоте немаловажно. Зато зайца или тетерева с «мелкашкой» брать хорошо. Звук у выстрела слабый, иногда двух-трех птиц добыть успеешь, пока стая всполошится. Только птица иногда на выстрел крепкая попадалась – тот же глухарь. Осторожная, близко к себе не подпустит, только на току ее и добыть можно. Как затоковал самец, бери его хоть голыми руками – ничего вокруг себя не видит и не слышит.

Месяц он уже дома не был, провизия – крупы и соль, да и патроны к концу подходили. Надо было домой возвращаться. Прибыток ноне неплохой, вон сколько шкурок сохнет. Правда, они только солью обработаны, чтобы не портились. Мездру он с них снял, но, чтобы шкурка мехом стала, ее еще выделать надо, квасцами обработать. Но в потребсоюзе ее и такую хорошо берут. Хочешь – деньгами за шкурки бери, хочешь – часть порохом или патронами к той же «мелкашке».

Алексей собрался утром, из последних крупинок чайных сделал заварку, шкурки в мешок определил. Огромный он вышел, да легкий.

Выпив жиденький чай, он отправился в поселок. Половина мужиков в поселке промысловой охотой занималась, половина – на руднике работала. Пробовал и Леха на руднике деньгу заколачивать, отработал смену – и домой. Только не понравилось ему. Пылища, видимости под землей никакой, кашлять стал. В конце концов плюнул он на рудник. В тайге воздух чистый, не надышишься. Мяса для еды полно вокруг бегают, летает и плавает, только не ленись. Себе радость, государству польза. А как же? Шкурки же выделявались, какие получше – за рубеж шли, за товары ихние. Опять же в поселке – почет и уважение.

Так и пробежал он десяток километров от заимки охотничьей до поселка. Шел веселый, улыбался. А что? С добычей домой возвращался, сейчас ружья дома оставит – и в потребсоюз. А вечером можно и на танцы. Есть там одна девушка, Зоя – уж больно нравится она Алексею. Тоже, как и он, из староверов, себя блюдет, лишнего не позволяет. Такую и в жены взять можно. Денег вот только поднакопить надо на новую избу. Старая-то, отцовская, мала, все-таки шесть братьев у него и две сестры. Два старших брата женаты уже, отделились.

Шел Леха по главной и единственной улице поселка и улыбался. И сразу не понял, почему первый же встречный, бухгалтер сельсовета, желчный Степан Матвеевич, негодуя спросил:

– Чего радуешься?

– Домой вернулся, – недоумевающее ответил Алексей.

– А, так ты не знаешь?

– Чего?

– Война! С германцами, три недели уже идет. Немчура Минск взяла, Красная Армия отступает.

Леха так и оторопел. Конечно, откуда ему знать? В тайге радио и газет нет, только и узнаешь новости, когда домой возвращаешься.

Он рывком распахнул дверь в отцовскую избу и сразу увидел заплаканные глаза матери.

– Ой, лихо! – она зарыдала в голос. – Даже не простился!

– С кем?

– Два брата твоих позавчера на фронт ушли, Николай и Григорий. И на тебя повестка из военкомата пришла.

Новость оглушила, как поленом по голове. Выходит, страну его немец поганым сапогом своим топчет, а он ни ухом, ни рылом?

– Мам, ты «сидор» собери с исподним да бритву положи.

– Готово уже. Отец сказал, что ты днями будешь – как знал.

– Нетрудно угадать, запасы пороха к концу подошли.

– Как братья ушли, Зоя прибежала, тебя спрашивала. Ты бы зашел к ней, девушка хорошая.

– Мам, мне же повестка, мне в военкомат идти надо. Пока я здесь сижу, война закончиться успеет.

– Нет, сынок, отец сказал – это надолго.

– А товарищ Сталин говорил, что мы будем бить врага на его территории. И если сейчас Красная Армия отступает, так это потому, что напали неожиданно. Вот соберет товарищ Сталин кулак, ударит всеми силами – я и до фронта добраться не успею, как война закончится.

– Ты заговорил прямо как эти, комсомольцы, на своих собраниях...

– Я же русский, мама! Дай поесть чего-нибудь, утром только пустого чаю выпил, да и по хлебушку соскучился.

Мать выставила на стол чугунок с картошкой, порезала селедки, огурцов; прижав каравай хлеба к груди, бережно отрезала от него горбушку. Любил горбушки Леха, особенно с борщом, да еще когда горбушку чесночком натрешь! На танцы после этого можно было не ходить – девки носы воротили, так ведь он же не на танцы сейчас собрался.

Пока ел, попросил:

– Мам, пусть батяня сходит в потребкооперацию, шкурки сдаст – все деньги будут.

– Скажу.

Леха вскинулся:

– А где он сам-то, я и не спросил.

– Заготовителя колхозного в армию забрали, попросили его поработать.

– Ух ты!

Староверы не работали на государственных и колхозных должностях, но война многое изменила.

Леха поел, надел брезентовую куртку – в ней ни дождь, ни ветер не страшны. Сунув в карман повестку, поклонился матери:

– Не болейте, мама, и меня дождитесь.

Взялся за лямки «сидора»:

– Ты к сельсовету иди, там все мужики собираются. До Туринска далеко идти.

– Спасибо, – он остановился в дверях и обернулся.

Мать обняла сына и перекрестила его двумя перстами, по-староверски.

Леха шагнул за порог и не оглянулся – вроде не по-мужски как-то.

У сельсовета собрались человек двадцать тех, кому пришли повестки. Кто-то пришел сам, другие – с родней. Лица были у всех хмурые, женщины плакали.

На крыльцо вышел председатель сельсовета, единственный коммунист в поселке. Он сказал короткую речь, обращенную к пришедшим мужчинам, – чтобы не трусили в бою, гнали немца взащей да возвращались с победой.

Ни оркестра, ни долгих проводов не было. Старшим председатель назначил Еремея, машиниста дробилки с рудника – как-никак, он на финской в тридцать девятом успел повоевать, военное дело знает.

– Кругом! – скомандовал Еремей. – В колонну по четыре становись! Шагом марш!

Двадцать километров до райцентра шли до вечера. А там – военкомат, сутолока и беготня; но уже ночью их посадили в эшелон на станции.

Вагон был товарный, с надписью: «Сорок человек или восемь лошадей». Нары пахли свежей сосной, на них лежали охапки сена. Выдали сухой паек – ржаные сухари и селедку. Леха сухари погрыз, к селедке же не притронулся. А кто по жадности селедки наелся, мучались жаждой. На каждом полустанке к колонке с водой бегали, напиться не могли.

На стоянках, пока паровоз воду и уголь набирал, мимо них к фронту воинские эшелоны проходили – все больше с техникой.

– Ты гляди, какие красавцы! – восторженно взирая на танки БТ, стоявшие на платформах, восхищался Лехин сосед по нарам, Илья. – Мы с ними японцам шею на Халхин-Голе свернули и немцам свернем.

Как они позже узнали, на фронте, танки БТ горели как свечи. Броня у них была слабая, двигатель бензиновый, прожорливый.

К исходу суток эшелон прибыл в Свердловск. Их выгрузили на товарной станции, построили и зачитали списки.

Леха попал в команду из двадцати человек. Думал, сразу на фронт отправят, ан – нет, команда оказалась учебной. Новобранцев помыли в бане, переодели в новехонькое солдатское обмундирование и распределили по отделениям и взводам. Так Алексей попал в учебку.

Учили их минно-подрывному делу. Преподавали строевую подготовку, изучали винтовку Мосина, но большую часть они занимались инженерными минами – нашими и немецкими.

Алексей хотел попасть в пехоту, даже к командиру ходил, но тот как отрезал:

– Где Родина приказала тебе служить, там и будешь! Кругом, марш!

Так и сидел Алексей за столом вместе с другими новобранцами. Сначала немного теории дали – о взрывчатых веществах да о взрывателях. Потом учебные мины показывали.

У Лехи от терминов голова кругом шла. Каких только мин в Красной Армии не оказалось: Т-35, ТМ-39, ПМЗ-40, ТМ-41, ПМД-6, ПОМЗ-2, и надо было знать их модификации, вроде ПМД-6Ф, в которой взрывчатый состав из аммиачно-селитренной смеси в стеклянных флаконах был. Как установить мину, как обнаружить ее и снять, как замаскировать установленную. Да еще шашки тротилловые, детонаторы, огнепроводные шнуры и подрывные машинки. К вечеру голова гудела.

Но это были только цветочки! Дальше они стали изучать мины немецкие – пехотные, противотанковые. Немцы были хитрыми. На одной мине, такой как ТМІ-29, ставили по три взрывателя. Кроме нажимного – еще боковые и донный натяжного действия. Обезвредил сапер верхний и боковые взрыватели, потянул мину, а она как... В общем, не зря говорят, что сапер ошибается только один раз.

И коварны немцы были. Одна их выпрыгивающая мина SMi-35 чего стоила. Ей для срабатывания хватало легкого нажатия. Вышибной заряд подбрасывал мину на 50–70 сантиметров вверх, и она взрывалась, оставляя вокруг себя на девять-тринадцать метров зону сплошного поражения.

После теории и занятий с муляжами пошли выходы в поле – учились ставить мины, маскировать. Другие эти мины искали щупами, снимали. Конечно, мины были учебными, на таких не подорвешься, но будущие минеры относились к занятиям со всей серьезностью.

Ближе к выпуску привезли в школу диковинку, индукционный миноискатель ВИМ-203. С ним обнаружение мин быстрее пошло, но был у него один недостаток – он не в состоянии обнаруживать мины в деревянных корпусах. Только на фронте, значительно позже, Алексей видел миноискатели ВИМ-695 и ВИМ-625. Они были попроще и работали на одной радиолампе, потому как их катастрофически не хватало.

А сводки с фронта поступали все тревожнее. Немцы рвались к Москве, к Ленинграду, и едва ли не каждый день в сводках Совинформбюро звучали все новые и новые города, где велись упорные и ожесточенные бои.

Курсанты перешептывались вечерами:

– А где же наши красные соколы? Почему немцы Москву бомбят? И где танки? Пели ведь до войны «Броня крепка, и танки наши быстры...»?

Вопросов было много, а ответов на них не было.

Один случай потряс курсантов до глубины души.

Когда политрук на полевых занятиях после обеда говорил о боях на подступах к Москве и о том, что Москву не сдадут, один из курсантов учебки возразил:

– Кутузов в тысяча восемьсот двенадцатом году Москву сдал, а войну все равно выиграл.

– Отставить пораженческие настроения! – политрук подошел к курсанту, вытащил пистолет и выстрелил ему в голову.

Смерть товарища шокировала солдат, как-то уж слишком буднично и спокойно политрук застрелил курсанта. Многие впервые видели смерть так близко. Только что обедали вместе – и вот...

После этого случая вопросов политрукам не задавал никто. А Алексей только утвердился в мысли, что государство – машина жестокая и безжалостная, и стал отчетливо понимать, что Родина и государство – суть не одно и то же. Он и раньше был не очень разговорчив, как многие сибиряки – на охоте в одиночку не очень-то поговоришь, а теперь и вовсе молчуном стал.

Через два месяца интенсивного обучения стали формировать команды для отправки на фронт. Их учебный взвод целиком попал на Центральный фронт. Раскидали минеров по всем дивизиям.

Служба была в основном ночная. Если днем на «нейтралку» выползать мины ставить или немецкие снимать – долго не проживешь. Немцы, заметив любое движение на нейтральной полосе, поливали ее огнем из пулеметов, не жалея патронов, или накрывали минометными залпами.

Первый выход на «нейтралку» Алексею запомнился надолго. Их было четверо. Старший – сержант Кузнецов, воевавший еще в финскую и служивший в армии с самого начала войны, с 22 июня.

На Алексея, как и на других минерах – винтовка через плечо, на ремне – саперная лопатка, отточенная до бритвенной остроты, а в обеих руках – по мине ТМ-41. Нагружен, как ослик. Кто-нибудь подсказал бы ему еще, как ползти по земле, когда обе руки заняты? Днем еще минерам командир пехотной роты, молоденький лейтенант, показывал из траншеи, где мины ставить.

У немцев танков было много, применялись массово, и наши бойцы их боялись – что с винтовкой против стальной махины сделаешь? Гранат противотанковых не хватало, бутылок с зажигательной смесью – тоже. Да и побаивались их бойцы. Попадет невзначай пуля или осколок в хрупкое стекло – сам факелом станешь. К тому же, чтобы бросить и попасть в танк такой бутылкой, надо его подпустить совсем близко, метров на двадцать пять – тридцать. Да только немецкий пулеметчик в танке тоже не дремлет. Как показался боец в траншее или окопе, сразу стреляет.

Пушек противотанковых тоже почти не было. Видел Алексей на фланге одинокую замаскированную «сорокапятку», прозванную солдатами «Прощай, Родина!». Потому надежда оставалась – мины выставить на танкоопасном направлении.

Мина ТМ-41 оказалась слабовата. Четыре килограмма тротила в ней могли перебить только гусеницу, а корпус и экипаж танка оставались целыми.

Они выкопали саперными лопатками ямки, установили мины в шахматном порядке и вернулись в свои траншеи за следующими минами. Чтобы обезопасить направление, надо было установить не один десяток мин, а если по-хорошему – то и не одну сотню.

Часам к четырем утра, установив последнюю мину, они поползли к своим.

Внезапно Алексей услышал, что навстречу им тоже кто-то ползет. Дернув сержанта за сапог – он полз первым, Алексей прошептал:

– Впереди кто-то есть, сюда ползет...

Сержант отмахнулся:

– Там наши траншеи.

Но тут легкий ветерок донес чужой запах. Алексей не курил, и запахи различал хорошо – не раз на охоте нос его выручал.

Он стянул ремень карабина через голову. Осторожно, стараясь не издать ни звука, снял предохранитель на затворе – патрон был уже в патроннике.

Сержант и еще два минера успели отползти вперед метров на семь. Вдруг оттуда донеслись вскрики, шум борьбы, замелькали тени. И было непонятно, что происходит. Уши резанул немецкий возглас.

Алексей вскинул карабин и, выстрелив в едва различимый силуэт, передернул затвор.

Оказывается, минеры столкнулись на «нейтралке» с немецкой разведгруппой. Они захватили нашего солдата из дозора и возвращались к себе. Будучи обнаруженными, немцы взялись за автоматы. Как только первый из них открыл огонь, стало понятно, кто чужой – у минеров автоматов не было.

Алексей выстрелил. Впереди завязалась рукопашная – слишком близко немцы находились от русских, и огнем можно было зацепить своих.

Алексей вскочил, перебросил ремень карабина через голову, рванул клапан чехла, вытащил саперную лопатку и кинулся к дерущимся. Пока он ночью ползал по «нейтралке», глаза успели адаптироваться к темноте.

Спиной к нему здоровенный немец пытался ножом или штыком – сразу и не разберешь, чем, только лезвие поблескивает – ударить минера. Алексей ударил его по шее, под обрез стального шлема. Противно чавкнуло, и немец стал заваливаться на бок.

Еще двое наседали на сержанта, отбивающегося прикладом карабина. Он держал его за ствол, как дубину.

Алексей ударил одного лопаткой, как топором, поперек спины. Захрустели ребра. Немец закричал, и Алексей ударил еще раз. Разведчик упал.

Теперь немец остался в одиночестве. В правой руке он держал нож, а левой слепо шарил по поясу, пытаясь нащупать кобуру.

Сержант взмахнул карабином. Немец отшатнулся, уворачиваясь от удара, запнулся о тело убитого соотечественника и упал на спину. Изо всей силы сержант ударил его прикла-

дом по руке. Немец выронил нож и закричал от боли. А сержант бил прикладом – по груди, по лицу, по животу. Он как будто обезумел.

– Сержант, все, успокойся. Ты убил его.

Сержант посмотрел на Алексея диким взглядом, на его лице темнели многочисленные капли крови.

– Ты ранен?

– Вроде нет.

– Кровь у тебя на лице.

Ни наши, ни немцы не стреляли, боясь в темноте попасть в своих. Немцы не пускали осветительных ракет, что делали всегда, – они надеялись, что их разведчики выкрутятся.

– Мы что, вдвоем остались?

– Похоже.

– Тогда берем наших и тащим к траншеям. Может, ранен кто.

Алексей взял под мышки Илью и, пятясь, потащил его к своей траншее. Благо никто не стрелял, и это давало ему возможность не пригибаться.

Когда почувствовал под ногами бруствер, остановился.

– Эй, пехота! Помогите!

К нему подбежали два пехотинца и помогли спустить минера в траншею.

– Не дышит он, вся грудь в крови.

Тяжело дыша, рядом появился сержант.

– Как он?

– Готов, – ответил пехотинец.

– А мой жив, дышит. Зови санитаров! Вот что, Ветров, – обратился он к Алексею, – иди к месту схватки, собери оружие. Положено так.

– Наше или немецкое?

– Все, что найдешь. И документы, если у немцев есть, тоже прихвати.

Алексей вздохнул. Неохота, страшновато снова на «нейтралку», но... сержант приказал.

– Есть.

Он выбрался из траншеи и не ползком, а на ногах направился к месту, где произошла схватка. Обшарил карманы маскировочных халатов у немцев – пусто. И наши, и немецкие разведчики перед рейдом в тыл противника документы сдавали.

Обыскивать убитых было неприятно. Он собрал оружие в кучу – получилось изрядно: четыре пистолета-пулемета МР 38/40 и две трехлинейки. Вспомнил про пистолет. Расстегнув ремень, снял его вместе с кобурой. На поясе еще ножны были. Он снял с убитых ножи – пригодятся самим. Без ножа, к которому привык в тайге, он был как без рук. Штыком от трехлинейки ничего разрезать нельзя – он четырехгранный, а ножи положены только в разведке. Был у сержанта еще складной нож – бикфордов шнур отрезать или провода, только Алексей хотел иметь свой.

Он обвешался оружием и, шатаясь под его тяжестью, направился к траншее.

Раненого уже унесли. Подошел сержант:

– Все собрал?

– Все, только магазины в подсумках у немцев остались. И так еле донес.

Из-за поворота траншеи появился лейтенант-пехотинец:

– Сержант, доложите, что случилось?

– Наткнулись на группу немецких разведчиков, вступили в рукопашную. Один из наших бойцов ранен, второй убит. Немецкая разведгруппа в составе четырех человек уничтожена.

– Они от нас шли?

– Так точно.

– Если возвращались, то с ними мог быть «язык» – захваченный у нас солдат.

– Не видели, товарищ лейтенант.

Сержант стушевался. И в самом деле, если немцы от наших траншей возвращались, у них мог быть пленный. А эти четверо могли быть всего лишь группой прикрытия.

Лейтенант подозвал пехотинца:

– Сползай к окопу, где дозор, узнай – все ли в порядке.

– Есть.

Пехотинец неловко выбрался из окопа и пополз к месту, где располагался дозор. Вернулся он через четверть часа.

– Окоп пустой, товарищ лейтенант, в нем только винтовка.

Пехотинец снял с плеча ремень второй трехлинейки.

– Так, упустили! Что же ты, сержант?

– Я-то здесь при чем? – удивился сержант. – У нас другие задачи, мы минеры. Это вашим дозорам спать не надо было.

– Поучи еще! – лейтенант прекрасно понимал, что сержант прав. – Идите в свое расположение!

– Есть!

Они выбрались из траншеи и пошли в свое расположение.

Минеры располагались за второй линией траншей – в лесу, в землянках, вместе с другими тыловыми службами.

Начало светать – в сентябре солнце показывалось из-за горизонта еще рано.

– Чего это на тебе два пояса? – разглядел в рассветном полумраке сержант.

– С убитого немца снял. Нож и ножны у него хорошие.

– И пистолет в кобуре. Ты вот что. Нож с ножнами на свой пояс перевесь, пригодятся еще. А пистолет в вещмешок спрячь. При выходах на «нейтралку» в карман класть можно, не табельное оружие. Кобуру же выкинь.

– Автоматы немецкие надо было забрать у пехоты, – вспомнил Алексей, – наш трофей.

– Да, с автоматами ползать сподручнее, только не положено.

– Почему?

– Политрук сразу припишет преклонение перед оружием противника.

– Тогда пусть нам наши автоматы дадут.

– Эка хватил! У пехотинцев видел? Один «ППД» у лейтенанта, командира роты, у солдат – те же трехлинейки. А ты сапер, тыловая, можно сказать, служба, до тебя автомат вообще не дойдет. Ладно, парень ты хороший, боевой, здорово помог, не растерялся в первом бою – так редко бывает. Будет из тебя толк. Иди в землянку, отдыхай. А я к командиру взвода, доложить о потерях.

Только Алексей расположился на нарах в землянке, как над головой завывали моторы. Едва рассвело, как немцы бросили на наши позиции «лаптежников» – так звали на фронте немецкие пикирующие бомбардировщики «Ю-87».

Бомбили первую линию траншей, а выходили самолеты из пике как раз почти над землянками. От взрывов содрогалась земля, между бревен стен и наката на потолке с шуршанием осыпалась земля. Находиться в землянке было страшновато, и Алексей выбрался из укрытия.

От передней траншеи поднимался дым, слышались взрывы. Он представил себе, какой ад сейчас там творится, если даже в полукилометре от места бомбежки страшно. В прошлом году он в одиночку на медведя ходил. Там тоже было страшно, однако он знал, что успех в единоборстве зависит от него. А сейчас можно было только наблюдать за всем со стороны.

– Где же наши самолеты или зенитки? – спрашивал он себя.

До войны показывали хронику в кино, где на параде по Красной площади едут танки и тягачи с пушками, красивым строем пролетают юркие истребители и большие тяжелые бомбардировщики. Сердце Алексея распирало тогда от гордости. Но где это все?!

Отбомбившись, самолеты улетели. И почти сразу послышался низкий рев моторов со стороны передовой – это пошли в атаку немецкие танки и пехота. Послышались приглушенные автоматные и винтовочные выстрелы, резкие танковые выстрелы.

С каждой минутой стрельба усиливалась. Потом одна за другой взорвались три противотанковые мины, которые ночью устанавливали минеры. Их «голос» был узнаваем сразу – все-таки подрыв четырех килограммов тротила не спутаешь с разрывом танкового снаряда.

Алексей припомнил, где устанавливал мины. Выходит, немцы добрались ровно до середины «нейтралки».

Со стороны места боя стали подниматься черные дымы. Так горит техника – машины, танки, так горит резина, дерматин, краска, топливо.

«Ага, не зря мины ставили!» – обрадовался Алексей.

Прибежал сержант.

– Немцы на левом фланге прорываются, командир полка приказал всем подразделениям выдвигаться на подмогу.

Сержант обежал землянки, где отдыхали саперы. Рядом старшина будил разведчиков. Оба подразделения вели «ночную» жизнь и днем отсыпались. В общей сложности набралось человек сорок, которые возглавил неведь откуда взявшийся старший лейтенант.

– За мной, бегом марш!

Видимо, ситуация была критической.

Они добежали до второй линии траншей, прыгнули в нее, переводя дух. Бой кипел уже в первой линии нашей траншеи – там мелькали бойцы в зеленой форме рядовых Красной Армии и немецкие солдаты в серых шинелях. Доносились крики, выстрелы, хлопки гранат.

Около взвода немцев прорвали позицию и, поливая перед собой огнем из автоматов, кинулись вперед. Редкие пехотинцы и пришедшие к ним на помощь минеры и разведчики открыли нестройный огонь.

Алексей не спеша выставил прицел, передернул затвор, прицелился и мягко выбрал спусковой крючок. Выстрел! Бежавший справа дюжий немец свалился.

Алексей сделал пять выстрелов и ни разу не промахнулся. Лежавший рядом разведчик похвалил:

– Да ты мастак, парень!

Алексей зарядил из обоймы магазин, только стрелять было не по кому. Оставшиеся в живых несколько немцев отступили, укрывшись во взятой ими первой линии траншей.

– Сейчас попробуй их оттуда выковырни!

Алексей обвел глазами поле боя. На нейтральной полосе догорали три немецких танка – два Т-III и один средний Т-IV. «Четверка» стояла к нашим позициям боком. Видимо, когда взрывом мины ей перебило гусеницу, она крутанулась на месте, и наши артиллеристы успели всадить ей в боковую броню снаряд.

Бой неожиданно стих. Порывами ветра от горящих танков заносило на позиции дым, к которому примешивался тошнотворный запах горелого человеческого мяса.

– Эй, стрелок, тебя как зовут? – повернулся к Алексею разведчик.

– Алексеем.

– А меня Василием. Ты сапер, что ли?

– Ага! Вон, танки горят – это мы ночью мины ставили.

– Молодцы! А мы в разведку ходили, да вернулись ни с чем. Выходит, ни тебе, ни мне немцы выпасться не дали?

– Выходит, так.

– Закурить не найдется?

– Не курю, верующий.

– Мы сейчас все тут верующими стали. Как самолеты бомбить начинают, даже завязые атеисты просят: «Господи, помоги!» Ты откуда?

– Сибирские мы.

– А я из Саратова. Так, похоже, немцы снова в атаку собираются. Давай-ка патроны поищем.

Они прошли по траншее, из подсумков убитых солдат собрали винтовочные патроны.

Вначале немцы обрушили на наши траншеи минометный огонь: вверху, в небе, тонко завывало, и потом упала мина.

Алексей сначала не сообразил, что это воет, и крутил головой по сторонам, пытаясь понять.

– Ложись, дура! – разведчик сильно дернул его за руку и упал на дно траншеи. Алексей упал рядом, голова к голове.

– Как только мину слышишь, сразу падай. В окоп, в траншею, в воронку, в яму – что рядом. Нечего башкой крутить. Это снаряд не слышно, а мина всегда воет, когда падает.

Их здорово трянуло – мина упала неподалеку; на спину посыпались комья земли.

Мины падали и падали – не меньше четверти часа. Потом обстрел стих. Разведчик сразу же поднялся.

– Сейчас немцы в атаку пойдут. Они всегда после артподготовки пехоту в бой бросают.

И точно, из траншей поднялась немецкая пехота. Алексей долго не стрелял, подпуская их поближе.

Немцы начали стрелять из автоматов уже издалека. Стрельба с таких дистанций неэффективна, но страху на неподготовленных нагоняет.

Вот немцы подошли метров на двести – теперь пора. Он сделал пять выстрелов и стал перезаряжать винтовку.

По брустверу ударила пулеметная очередь, взбив фонтанчики земли.

– Позицию поменяй! – закричал разведчик. – Видишь, тебя засекли!

Алексей перебежал по траншее в другой окоп. Здесь лежал убитый, молоденький красноармеец. Алексей оттащил его в траншею – не топтаться же по телу убитого? Сделав пять выстрелов, он снова сменил позицию.

А немцы уже были на расстоянии ста метров, он видел их лица.

Алексей зарядил винтовку. Надо стрелять выборочно, толку будет больше. У рядовых солдат – автоматы и винтовки, командиры – от фельдфебеля и выше – бегут с пистолетами, солдат командами подбадривают.

Алексей нашел одного – тот даже каску не надел, в фуражке в атаку шел – прицелился, выстрелил. Фуражка с немца слетела, и он упал. Алексей перевел ствол на другого. Тот и в каске был, и бежал за спинами солдат. Алексей улучил момент, когда немец приоткрылся, и всадил в него пулю.

А немцы уже совсем рядом, полсотни метров, не более!

Алексей сорвал с пояса единственную гранату, которую подобрал в траншее, когда собирал патроны. Выдернув чеку, он швырнул гранату в набегавшую цепь. Хлопнул взрыв, разметав нескольких врагов.

Алексей успел выстрелить еще дважды, когда услышал – слева от него и немного позади дал длинную очередь «максим», выкосив сразу десяток немецких пехотинцев.

И немцы не выдержали, бросились назад.

Никто больше не стрелял, берегли патроны – их теперь было в обрез. Очень вовремя открыл огонь наш пулеметчик, практически – в упор.

Бойцы перевели дух. Разведчик окликнул Алексея:

- Сибиряк, ты там живой?
- Живой.
- У тебя патроны есть?
- Одна обойма осталась.
- А у меня пусто.

Они пошли по траншеям и окопам, собирая по обойме и даже по одному обрonnenному патрону. В одном из окопов Алексей увидел своего сержанта – он был мертв. Голову Кузнецова посеколо осколками, и Алексей узнал его по треугольникам в петличке и аккуратной латке на рукаве – он ее еще вчера вечером приметал.

Потери были большие. Еще одна атака, и от полка ничего не останется.

Посчитали трофеи. У Василия оказалось восемнадцать патронов, у Алексея – двадцать один. Совсем не густо.

– Пошли к пулеметчику, может, у него есть? – предложил Василий.

Пулеметчиком оказался, судя по петлицам и фуражке с зеленым околышем, пограничник. Как он сюда попал, известно было только ему самому. Порядок требовал иметь в пулеметном расчете два номера, пограничник же был один.

– Привет, земля!

Разведчик спрыгнул в траншею первым, Алексей – за ним.

– Привет, пехота.

– Патронами богат?

– Половина ленты осталась – она у меня последней была.

– Плохо. Алексей, придется за траншеей лезть, искать немецкое оружие и боеприпасы.

– Опасно.

– Понятно, не за пряниками в магазин пойдем. А у тебя есть другие предложения?

Пулеметчик пообещал прикрыть в случае чего, только ведь от пули не прикроешь.

Они перебрались через бруствер. Свои винтовки оставили в траншее – лишняя тяжесть.

Первые убитые были не так далеко.

Каждый взял себе по автомату, с нескольких убитых снимали подсумки с патронами. Удобные были подсумки, на три магазина.

Когда свалились в свою траншею, разведчик спросил Алексея:

– Ты хоть стрелять из их автомата умеешь?

– Не приходилось, – честно признался тот.

– Смотри. Вот так приклад откидывается, вот здесь кнопка защелки магазина. Затвор оттянул, завел ручкой в паз – автомат на предохранителе. Ручку вниз опустил – готов к стрельбе. Однако помни, эффективно стреляет недалеко, метров семьдесят пять, от силы сто. В траншее удобен, в ближнем бою. А на двести метров в ростовую фигуру уже не попадешь.

– Трещотка, – пренебрежительно отозвался о немецком автомате Алексей, – винтовка лучше.

– Как сказать, – не согласился Василий. – Ладно, сам увидишь.

К ним подтянулись еще несколько бойцов.

– Пожевать чего-нибудь есть?

Алексей вспомнил, что он утром позавтракать не успел, и в желудке засосало.

Решили держать оборону вместе, распределившись в разные стороны от пулеметчика, иначе редких бойцов обойдут со стороны и расстреляют в спину.

Послышался шум моторов. Со стороны немецких позиций двигались два танка, за ними бежало до роты пехоты.

У Алексея на душе стало тоскливо. Их здесь всего двенадцать человек, и боеприпасов кот наплакал – куда им против такой силы? Но вида он не показывал.

Разбежались по траншее.

Танки надвигались, не стреляя. Когда до них осталось метров триста, Алексей приложился к винтовке. Вот он, офицер, в прицеле, пистолетом в руке помахивает.

Алексей выстрелил, с удовлетворением увидев, что офицер упал. И своим выстрелом как будто сигнал танкистам дал. Сразу ухнули оба орудия, заработали танковые пулеметы.

Снаряды разорвались с перелетом.

Бойцы открыли редкий винтовочный огонь. Алексей видел – то один, то другой немец выпадали из цепи. И чем ближе подходили немцы, тем чаще стреляли наши бойцы.

Немецкая цепь не отставала от медленно ползущих танков. Сейчас они доползут и начнут утюжить траншею, давя живых, а у бойцов не было ни одной гранаты.

Справа прозвучал выстрел пушки, родной «сорокапятки». Один из танков вспыхнул и остановился. Из него стали выбираться танкисты.

Тут уж Алексей не выдержал, решил поквитаться. Троих танкистов успел убить, пока они выбирались из люков. У четвертого хватило ума покинуть горящую машину через нижний люк.

Оставшийся танк развернулся в сторону пушки. Но артиллеристы, замаскировав пушку, ничем себя не обнаруживали. Поддерживать атаку, двигаясь на русские траншеи, танкисты боялись – ведь один танк подставил бок и сейчас горел.

Танк двинулся вперед, в сторону предполагаемой позиции пушки.

Алексей стал стрелять по пехотинцам из винтовки.

Лишившись мощной огневой поддержки, пехотинцы залегли.

Снова хлопнул выстрел «сорокапятки», и снарядом сорвало гусеницу. Танк крутанулся на одном месте и получил еще один снаряд – в корму. Из него повалил черный дым. Откинулись люки в башне, и из танка стали выбираться немецкие танкисты в черных комбинезонах.

До танка, правда, было уже далековато, метров триста с гаком, на такие дистанции Алексей раньше не стрелял.

Выставив прицел на деление 300 метров, он прицелился и выстрелил. Танкист застыл, свесившись наполовину из люка. А из машины уже рвалось пламя, ее окутал дым. Прячась за дымовой завесой, танкисты ушли.

Наши позиции снова накрыли минометы.

Алексей забился в нишу – здесь было безопаснее, чем в траншее.

Стреляли из ротного, 50-миллиметрового миномета. Хлопки разрывов не сильные, но мины немцы клали точно, рядом с траншеей, а два раза – так прямо в нее. А потом пехота поднялась в атаку.

Алексей стрелял из винтовки – надежнее как-то. Но когда до немцев осталась сотня метров, он взялся за автомат. Стрелять из него было непривычно, но он быстро приспособился. Прицелится в одного, даст очередь в два-три патрона и переносит прицел на другого. Когда же немцы ближе подобрались, вообще стрелял непрерывными очередями, едва успевая менять магазины.

И пулемет ожил. Пограничник ударил в самый критический момент, когда немцы находились от траншеи на бросок гранаты. Кинжальным огнем он ударил в лоб цепи. Спрятаться немцам было негде, ровная земля. Понесся серьезные потери, они снова отступили.

Пулемет смолк, только булькала вода в кожухе.

В траншее оставалось трое живых бойцов: Алексей, разведчик Василий и молодой парень с черными петлицами и эмблемой войск связи – его имени они не знали. За траншеей в пулеметном гнезде лежал пограничник. Патронов же не было вовсе.

– Даже застрелиться нечем, – грустно пошутил Василий.

– Не дождутся немцы, чтобы я стрелялся, – ответил пулеметчик. – Что делать будем, парни?

- К своим идти, к штабу.
- Бомбили в той стороне, – заметил связист.

Никто из них не заикнулся о том, что надо оставаться в траншее и удерживать позиции. Не было людей, не было патронов.

- Я пулемет не брошу, – твердо заявил пограничник, – он со мной с заставы еще.
- Ничего себе! Так ты эту дуру на себе все время пер?
- Когда как, иногда немного машиной ехал.

Уважение Алексея к этому парню росло. Вперед не лезет, не выпячивается, огонь открывает в самый нужный момент, когда кажется – уже все, сомнут сейчас. Выдержки и хладнокровия ему не занимать. Таких бы парней побольше, глядишь – не отступили бы до Днепра уже.

Видимо, и разведчик понял и осознал всю ту тяжесть, которую пришлось вынести пограничнику во время отступления.

- Как тебя звать-то?
- Рядовой Иван Куликов, особый пограничный округ.
- Эх, где теперь твой округ, Ваня? Округ только немцы теперь.
- Одолеем, – твердо сказал Иван, – патронов бы только.
- Тогда идем к штабу. Должен же кто-то из отцов-командиров сказать, что делать дальше?

Василий и связист шли впереди, с немецкими автоматами на изготовку. За ними – Алексей, помогавший Ивану катить тяжелый «максим». Патронов не было ни у кого. Случись немцам на них нарваться – группу можно было брать голыми руками.

Чем ближе подходили они к штабу, тем ниже падало настроение. Вокруг них – только перевернутые или сгоревшие автомашины, 76-миллиметровая полковая пушка с оторванным колесом, посеченная осколками полевая кухня. И везде – трупы. Впечатление было жутковатое. Но не может же быть так, чтобы все погибли?

Деревянная изба, служившая штабом, лежала в руинах, но недалеко стояла целехонькая полуторка. В ее кузов водитель-красноармеец грузил какие-то ящики.

Из-за кузова вышел лейтенант. Увидев бойцов, он откровенно обрадовался.

- Бойцы, ко мне!
- Все подошли, представились.
- Помогите погрузить в кузов сейф.

Оружие сложили у грузовика. Тяжеленный железный ящик вчетвером едва дотащили из развалин к грузовику и погрузили в кузов.

– Товарищ лейтенант, где полк, где дивизия?

– К Десне отходит. Немецкие танки в тыл дивизии вышли. Кстати, наш фронт расформирован, сто тридцать вторая дивизия подчинена тринадцатой армии Брянского фронта. Я в штаб дивизии еду, подбросить?

- Конечно! – обрадовались бойцы.
- И мне спокойнее, у вас пулемет есть.
- Патронов нет ни у кого.

– Вон машина разбитая стоит, полный кузов ящиков с патронами. Пять минут времени дело.

– Спасибо, товарищ лейтенант!

Бойцы побежали к грузовику. Моторный отсек и кабину его разворотило осколками близкого взрыва, один борт был оторван. Но в кузове и в самом деле стояли ящики с патронами.

Быстро просмотрев маркировку, бойцы нашли винтовочные патроны – они же подходили и к пулемету. Подхватив два ящика целиком, они побежали к машине.

Лейтенант уже сидел в кабине. Едва успели погрузить «максим», оружие и патроны, как полуторка тронулась, и бойцы вскакивали в кузов уже на ходу.

В кузове они вскрыли ящики. Ключом, похожим на большой консервный, открыли цинки. Алексей сразу зарядил винтовку, набил обоймами подсумки – даже в карманы натолкал патронов. Пограничник набивал единственную холщовую ленту. Только связист Михаил и Василий поглядывали на них с завистью – к немецким автоматам патронов не было.

– Зря поехали, – неожиданно сказал пограничник.

– Что, пешком надо было идти? – не понял его Василий.

– Я не о том. В разбитом грузовике патронов полно. Надо было на позиции возвращаться.

– Да ты чего, совсем сбрендил? Нас ведь четверо всего!

– А все же немцы не прошли. Хотя насколько-то, да задержали мы их, дали нашим время оборону организовать.

– Обошли бы нас со всех сторон и, скорее всего, танками бы раздавили. У нас ведь даже гранат не было.

– А про артиллеристов забыл – про тех, что с «сорокапяткой»? Ты видел, чтобы они отходили?

– Нет, не видел. Так может, их уже и в живых нет.

– Каждый должен участок, ему порученный, держать из последних сил, тогда отступить не будем, – отрезал Иван.

Его слова заделали всех, зацепили за живое. Никто из них в бою не трусил, и все держали оборону, пока были патроны. А по большому счету – без приказа с позиций ушли. Выходит, прав Иван.

Только Алексей угрызений совести не чувствовал. Не его вина, что начальство не позаботилось о резервах, патронах, гранатах, поддержке пушками. Не со штыком же на немцев в рукопашную идти? Добежать не успеешь, как из автоматов посекут. А отдавать свою жизнь ни за понюшку табаку он не хотел. Он еще успеет немцам насолить, нанести урон.

Через час тряской езды по ухабам разбитой сельской грунтовки они добрались до штаба. Лейтенант убежал к начальству, а бойцы вылезли из кузова, соображая, что делать дальше. Похоже, вернуться в свои подразделения им не суждено – где они, их подразделения?

К ним подошел старшина. В петлицах по четыре треугольничка, гимнастерка выцветшая, зато усы – как у маршала Буденного.

– Кто такие?

Бойцы представились.

– Идите к рощице, вон туда, – повернувшись, старшина показал рукой. – Там формируют роту из остатков частей.

– Так точно.

Бойцы направились к роще, где старший лейтенант с петличками артиллериста занес их в список.

– Будете во втором взводе, командир – сержант Осянин. Почему оружие не табельное? – вдруг грозно спросил он.

– Трофейное, товарищ командир. В винтовку осколок попал. Только патронов к нему нет.

– Получите винтовку у старшины.

– Слушаюсь.

Главное – они поели, а то уже живот к спине прилип. Не сказать, чтобы сильно покормили – пшенной кашей на воде, селедкой и чаем, но зато хлеба дали по три куска. Бойцы повеселели. Потом сержант Осянин выяснил у каждого его воинскую специальность. С

пограничником-пулеметчиком было проще всего – ему вторым номером в расчет дали связиста. Но когда дело дошло до Алексея, сержант замешкался:

– Куда же тебя пристроить? У нас нет ни мин, ни взрывчатки. В мишень-то хоть попадешь?

– Получается.

– Ладно, пока в пехоте побудешь.

Так и получилось, что все четверо временно в одном взводе оказались. Не хватало всего – оружия, особенно тяжелого, патронов, а главное – не хватало командиров. На всю роту был один командир, да и тот артиллерист, без опыта пехотного боя.

Уже вечером рота, получив приказ, выдвинулась на позиции. Сержант Осянин показал рукой – копать траншею от этого дерева до тех кустов.

Саперные лопатки оказались только у трех бойцов. Кому-то их и не положено было иметь – тем же разведчикам или артиллеристам, другие их потеряли. А для пехотинца окопаться – главное на войне. Земля – она и от осколков укроет, и от пуль убережет.

Алексей выкопал себе окоп в полный профиль, передал лопату Василию, а уж рядом с ним стоял, поджидая своей очереди, связист Михаил – им надо было оборудовать основную и запасную позиции. В общем, лопатка вернулась к Алексею к утру и уже изрядно затупленная. Он бережно убрал ее в чехол.

За ночь Алексей успел вздремнуть в окопе. На западе погромыхивало. Утром высоко в небе показался самолет.

– Рама, – сказал Иван. – Сейчас все высмотрит, разнюхает, а потом бомбардировщики прилетят.

И он не ошибся. Часа через два прилетели «лаптежники». Бомбили они по хорошо видимым сверху окопам и траншеям. Но попасть с такой высоты в окоп – дело затруднительное, и потери роты понесла небольшие.

Бомбардировка – дело психологически тяжелое. Немец с самолета бомбы кидает, а бойцы ощущают полную беззащитность и невозможность оказать какое-либо сопротивление, дать отпор.

Но бомбардировкой испытания не закончились. Едва «Юнкерсы» улетели, послышался крик: «Немцы!» Издалека, пока едва слышимый, доносился шум моторов. По полю к позициям роты ползли полугусеничные бронетранспортеры Sd. Kfz. 10, похожие на стальные гробы, с пулеметом в кузове. Пулеметчик с МГ-34 прятался за стальным щитком. Сейчас бы пушечку-«сорокапятку» или, на худой конец, противотанковое ружье.

Немцы еще издалека открыли пулеметный огонь.

Алексей выждал, когда бронетранспортеры приблизятся на 300–400 метров, тщательно прицелился в щель в стальном щитке и выстрелил. Пулемет замолк, голова в стальном шлеме исчезла за щитком.

Алексей перенес огонь на другие транспортеры. Если бы у них были башни, как на других боевых машинах, сделать что-либо было бы невозможно.

Из транспортеров через задние дверцы высыпала пехота. Немцы рассыпались цепью и начали стрелять из автоматов.

– Во, самое то! – обрадовался Алексей. Он тщательно прицеливался и стрелял по фигурам в сером обмундировании. Рядом стреляли другие бойцы.

Цепь значительно поредела. И когда до нее осталось метров сто пятьдесят, заработал пулемет. Куликов стрелял короткими очередями, по семь-восемь патронов. Даст очередь, перенесет прицел, и все повторяется. Потери немцы понесли значительные.

Однако пулемет засекли и стали стрелять по нему из транспортеров, пытаясь подавить. «Максим» смолк. Алексей обернулся в тревоге, но пулеметчик менял позицию на запасную.

Немцы осмелели, стали забрасывать траншеи гранатами. Далековато, правда, и разлет осколков из их гранат – 10–15 метров, но психологически подавляет.

Двое из наших бойцов не выдержали плотного автоматного огня и взрывов гранат, бросились из окопов назад. Тут немцы их и скосили.

Алексей видел, как убили побежавших, и осуждающе покачал головой – как трусы погибли!

Прямо на бруствер перед ним упала немецкая граната М-39, похожая на нашу «лимонку», только из двух штампованных половинок. На фронте ее прозвали «яйцо» или «крашенка». Пороховой замедлитель у этих гранат горел 4,5 секунды.

Не медля ни мгновения, Алексей схватил гранату и отшвырнул ее в сторону набегающих немцев, спрятав голову за бруствер. Тут же рванул глухой взрыв, раздались крики раненых немцев.

Алексей высунулся из окопа – до немцев было всего полсотни метров – и стал расстреливать набегавшие фигуры, как в тире. Сейчас бы автомат сюда, в ближнем бою – самое то! У него сейчас каждый выстрел навскидку находил цель. Даже у тех бойцов, кто на сто метров не попадал в ростовую мишень, промахов сейчас не было – слишком близко подобрались немцы.

Цепь гитлеровских пехотинцев несла ужасающие потери. Последние сто метров перед окопами были усеяны трупами в серой форме.

Из окопа, по центру позиций сводной роты поднялся старший лейтенант. Полуобернувшись к оставшимся в окопе бойцам, он поднял руку с зажатым в ней пистолетом:

– За Родину! В атаку – вперед!

Из окопов и траншей стали выбираться красноармейцы. Многие держали в руках винтовки с примкнутыми штыками, зловеще поблескивающими на солнце. Нестройное «Ура-а-а!» возникло где-то впереди, прокатилось по полю и подхватило бегущими сзади.

Сшиблись. Гитлеровцев кололи штыками, били прикладами и саперными лопатками. Немцы отбивались автоматами, но их складные приклады не были рассчитаны на рукопашную.

Прямо на Алексея набегал высокий жилистый немец. Алексей перехватил винтовку за ствол, поскольку штыка у него не было, и с разбегу ударил немца прикладом. Тот вскинул под удар автомат, держа его в обеих руках. Звякнул металл. Алексей размахнулся еще раз, но немец успел ударить его ногой. Каблук с железной набойкой больно впечатался в бедро. Алексей едва не взвыл от боли и саданул немца прикладом по колену. Немец вскрикнул и отскочил.

Из-за спины Алексея выбежал пехотинец и ударил немца штыком. Тот вздрогнул. Широко раскрыл глаза и медленно завалился на спину. Пехотинец потянул винтовку на себя, но штык застрял между ребрами.

– Отцепи штык, черт с ним, – посоветовал Алексей, поймал взгляд пехотинца, устремленный за его спину, и поспешно обернулся.

На него бежал унтер-офицер с нашивками на левом рукаве. В руке он держал пистолет. Вскинув руку, унтер-офицер выстрелил, но промахнулся. Мотыль «парабеллума» застыл в верхнем положении, магазин был пуст, но в горячке боя унтер все нажимал и нажимал на спусковой крючок.

Алексей успел передернуть затвор трехлинейки и почти в упор, с трех метров выстрелил унтеру в грудь. Немец упал у ног Алексея.

Справа донесся приглушенный хрип:

– Ле...ха, выручай!

На разведчика Василия налетел дюжий немец и бил его здоровенным кулачищем в лицо.

Алексей прыгнул и винтовкой ударил немца по шее. В шее хрустнуло, и немец упал на Василия. Алексей испугался – не сломалось ли ложе? Бросил взгляд на винтовку – нет, цела.

Из последних сил разведчик столкнул с себя убитого противника и поднялся.

– Здоров, как хряк! Я уж думал – каюк мне. Спасибо!

Лицо Василия было в крови, обильно текущей из разбитых губ и носа.

– Зубы целы?

– Вроде. Гляди, немцы драпают.

Гитлеровцы не выдержали рукопашной, и немногие оставшиеся в живых убежали. Пятились спиной вперед бронетранспортеры – во время рукопашной они не стреляли, боясь зацепить своих.

– Назад, в окопы! – подал команду командир роты.

Красноармейцы бросились в окопы. Алексей успел подхватить лежащий возле убитого немца автомат и вытащить из его подсумка единственный оставшийся магазин. Чай, бой не последний, пригодится.

Едва немногие оставшиеся в живых немцы скрылись за бронетранспортерами, те открыли пулеметный огонь. Несколько бойцов, замешкавшиеся на месте схватки, были сражены наповал.

Алексей спрыгнул в свой окоп, и тут же на него свалился Василий.

– Приютишь, пока немцы стреляют? Глянь, что я добыл! – в руке у разведчика поблескивали наручные часы. – С немца снял, который меня бил! Хочешь, заberi себе – фрица ведь ты уложил.

– Не хочу я ничего с убитого брать, мародерство это.

– Гляди, какой он идейный! Автомат вон немецкий у убитого камрада забрал, не погнушался!

– Так то автомат, оружие.

– Можно подумать, у тебя наручные часы есть! Немцы всю Европу покорили и обобрали. У каждого рядового часы есть. Хоть время сверять можно, когда жратву привезут.

– Желудок сам подскажет.

– Ну смотри, было бы предложено. Я за них булку хлеба выменяю – у того же старшины.

– Вот тогда и поделишься.

– Заметано.

Василий был парень разбитной, и когда можно было, своего не упускал. Он и сейчас успел не только часы с убитого снять, но и две патронные сумки с обоймами к автомату.

– Как немцы перестанут стрелять, надо за окопы сползть. У многих немцев ранцы есть, наверное, найдется, чем в них поживиться.

– Рисковать жизнью из-за барахла! – пренебрежительно скривился Алексей.

– Я человек рискованный, пресная жизнь не по мне.

– Война, риска выше головы – зачем без нужды на пулю нарываться?

– Странный ты, Алексей, слишком уж правильный.

– В тайге без этого никак. Если поранишься или заблудишься – никто не поможет, надо просчитывать все на шаг-два вперед.

– О, вроде стихло все? – перебил его Василий. Он приподнялся над бруствером.

– Немцев не видать. Ну, я пополз.

И не успел Алексей возразить, как Василий перевалился через бруствер и пополз к убитым немцам. Он переползал от одного к другому, потом вернулся к окопу и столкнул в него ранца.

– Держи, я за патронами сползаю.

– Да сиди ты, егоза.

Из окопа Алексей наблюдал, как Василий опустошает подсумки. Занятый делом, он не заметил, что кто-то из немцев был, видимо, только ранен и пришел в себя. Хлопнул выстрел, коротко вскрикнул Василий. Алексей дернулся было выскочить из окопа на помощь, но немцы открыли минометный огонь. Мины падали одна за другой, вздымая на позициях пыль. Окопы, пусть и не в полный профиль, защищали от осколков.

Когда огневой налет стих, Алексей приподнял голову:

– Василий, ты живой?

Прислушался. Тишина. Вновь затрещали смолкшие во время обстрела цикады.

– Вася, отзовись!

Наступил вечер. Как только стемнело, Алексей выбрался из окопа и пошел к месту рукопашной – там вповалку лежали немцы и наши красноармейцы. Василия он нашел почти сразу. У лежащего рядом с ним немца в руке был зажат пистолет. Оба были мертвы.

– Эх, Вася, на ерунду свою жизнь променял!

Ночью по распоряжению командира роты они собрали и похоронили в братской могиле наших убитых.

Глава 2

Вылазка

В конце сентября дивизия была окружена в третий раз. И с каждым днем подразделения теряли бойцов, кольцо становилось все туже, а территория, на которой они находились, сжималась, как шагреновая кожа.

А немцы совершенно обнаглели. Пользуясь последними теплыми днями, они раздевались донага и плескались в реке. Наши бойцы только наблюдали за ними с другого берега реки. Боеприпасов к немногим пушкам и минометам было катастрофически мало, и их берегли для планируемого прорыва. А из винтовки – далекоовато, не достать.

На фронте помыться, постирать пропыленную, грязную гимнастерку – редкая удача. И наши бойцы, видя, как немцы купаются, тоже попробовали зайти в воду, но немцы накрыли их из минометов. Вот и смотрели они на купающихся фашистов, скрипя зубами от злости.

Командир взвода, сержант Осянин, в сердцах бросил:

– Хоть бы их проучил кто!

– Разрешите мне! – вызвался Алексей.

– Попробуй. Но далеко, только немцев обозлишь.

Алексей отобрал патроны с тяжелой пулей – у них траектория более пологая. Тщательно вычистил и смазал винтовку, зарядил магазин.

На берег выбрался рано, до рассвета, замаскировался в высокой траве. Рядом, метрах в десяти-пятнадцати были кусты, но Василий сознательно туда не пошел – их немцы в первую очередь обстреляют.

Час шел за часом. Уже поднялось солнце, пригрело землю. Над водой поднимался легкий парок или туман, но к десяти часам он развеялся.

И вот тут-то на берегу показались немцы. Они сбрасывали на ходу форму и, гогоча, лезли в воду. Вели себя свободно: вздымали тучи брызг, плескались, обливая друг друга.

Прицел Алексей выставил заранее и теперь только выбирал цель.

Один из немцев выбрался из воды и встал на берегу, картинно раскинув руки – как на пляже.

Алексей прицелился ему в живот: голова на такой дистанции – слишком маленькая цель. Задержав дыхание, плавно потянул спусковой крючок. Выстрел! Немец упал. Остальные пока не всполошились, выстрелы на передовой – не редкость.

Пользуясь их легкомыслием, Алексей успел сделать еще четыре прицельных выстрела, пока оставшиеся в живых и испуганные немцы ползком покидали берег. Вставать они боялись, даже форму бросили – не до нее стало.

Не прошло и нескольких минут, как немцы открыли по берегу минометный огонь, в первую очередь целя по кустам. Только Алексей дожидаться обстрела не стал, и, едва уползли немцы, убрался с берега и он.

Когда он вернулся в свой окоп, по траншее подошел сержант Осянин.

– Видел твою стрельбу, молодец! Учился где-то?

– Да нет. Охотник я, жизнь заставила.

– Э, парень, тебя бы в снайперскую школу, да винтовку с оптикой в руки – тогда бы немцы голиком на виду у всех не бегали. Я командиру роты доложу, пусть решает.

Алексей пожал плечами. Доложил сержант старшему лейтенанту или забыл, но только в жизни его ничего не изменилось. Да и не могло. Обескровленная, окруженная дивизия готовилась к прорыву. Следующей ночью они открыли огонь по немецким позициям из

пушек и минометов, достреливая последние снаряды, потому как с тяжелым вооружением не прорваться. Потом пушки вывели из строя, сняв с них затворы.

Сразу за артобстрелом под покровом темноты наиболее боееспособные подразделения пошли на прорыв. За ними несли раненых, и шли тыловые службы вроде связисток и банно-прачечного отряда.

С потерями, но они прорвались к своим. От дивизии едва набирался полнокровный батальон, но главное – вынесли знамя дивизии и полков. Нет знамени – утеряно, утрачено, захвачено противником – подразделение расформируется, опозоренное, и номер его не присваивается вновь. Сохранилось знамя, святыня части – ее укомплектуют, пополнят техникой, и вновь полк или дивизия воскреснет из небытия.

Вот и их дивизию отвели в тыл на отдых и переформирование. Из тыла поступало пополнение, со складов – вооружение и боеприпасы. И хотя вооружение было немного устаревшим, воевать можно было. Ведь в ополчение шло и вовсе почти музейное оружие, вроде пулеметов Мадсена или Шоша, а пушки – трехдюймовые времен Гражданской войны.

Алексей снова угодил в команду минеров, по его военно-учетной специальности. Пехотинцы, как писалось – «необученные, годные к строевой», были. Не хватало обученных – артиллеристов, танкистов, летчиков, саперов.

В начале декабря дивизию отправили под Елец, где готовилось контрнаступление.

Немцы, не в силах одолеть сопротивление наших войск и по кратчайшему пути пройти к Москве, решили наступать с юга, через Тулу. Зима тогда случилась ранняя и суровая, снега выпало много, морозы доходили до тридцати-сорока градусов. Холодно было даже привыкшим к морозам русским. А у немцев шинелишки тоненькие, рассчитанные на теплую европейскую зиму, шапок не было вовсе, если не считать немногочисленные горноегерские части. Не готовился Гитлер к затяжной военной кампании, планировал завершить войну к осени, на зиму расположить войска в теплых квартирах.

Солдаты стали мародерствовать, отбирать у населения оккупированных районов теплые вещи – вязанные носки, валенки, шапки, полушубки, даже женские шали.

Хуже того, к зимней военной кампании оказалась не готова техника. Не было зимних масел, и механикам приходилось всю ночь гонять моторы, сжигая драгоценное топливо, расходуя моторесурс. А к утру грязь замерзала между катками танков и транспортеров, не позволяя им тронуться с места.

Минерам тоже приходилось несладко. Под снегом мины не видны, нащупать их саперным щупом невозможно, земля промерзла на метр-полтора. Выручал миноискатель, но на весь взвод он был один. Но и обнаружив мину, ее было сложно обезвредить. Держа в замерзших пальцах нож, приходилось по кусочку откалывать замерзшую землю, подбираясь к взрывателю. А после дождей или оттепелей его открутить было невозможно, резьба замерзала насмерть. Взрыватель согревали своим дыханием и потом отворачивали. Только времени уходило много. И если летом один минер мог снять за ночь до десятка-полтора мин, то сейчас – одну-две. За неделю удалось проделать только узкий, метров тридцать, проход, да и то для танков. А противопехотные мины замерзли настолько, что не срабатывали при нажатии, а для танков они были не страшны.

Проход обозначили снятыми минами, лишенными взрывателей. У всех саперов были обморожены кисти рук, пальцы потеряли чувствительность, а для сапера пальцы – наиглавнейший инструмент. Пальцы старались беречь, смазывали их жиром, грели у буржеек.

А немецкие саперы мины и вовсе перестали ставить. Ведь для ее установки надо лунку в земле долбить, только как это сделать на морозе? Потому ограничивались постановкой противопехотных мин, просто засыпая их снегом. Но они от этого не становились менее опасными.

Наученная горьким опытом пехота старалась сопровождать танки, идя по следу гусениц – там уж точно ни противотанковых, ни противопехотных мин не было.

Танки и пехота пошли в атаку. За цепями атакующих артиллеристы катили пушки, поддерживая огнем свою пехоту. Связисты тянули телефонный кабель, чтобы обеспечить связь. А уж затем – саперы, санитары.

Немцы не ожидали, что русские, войска которых они считали почти разбитыми, ударят им во фланг. Танки Гудериана были почти под Тулой, немецкие тылы растянулись – дивизия ударила в слабое место, в подбрюшье. Немцы, надеясь продолжать наступление, не успели толком организовать оборону: окопчики – не полного профиля, траншеи мелкие, и то не везде, капониры для орудий замаскированы плохо – поди, попробуй подолбить мерзлую землю.

Дивизия с ходу прорвала оборону немцев и пошла вперед. Наступление удалось бы развить, но у наших не было резервов, чтобы ввести их в бой, а немцы кинули на атакующих свою авиацию. В начале войны их люфтваффе превосходило советскую авиацию по количеству и качеству самолетов, а главное, пилоты были хорошо подготовлены и имели боевой опыт – качество, незаменимое в боевых условиях.

Навалились они на дивизию почти всем вторым воздушным флотом под командованием Кессельринга. Волна за волной шли пикировщики «Юнкерс-87». Едва они ушли, отбомбившись, их сменили фронтовые бомбардировщики «Юнкерс-88» и «Хейнкель-111». С нашей стороны прикрытие было жиденькое, из устаревших истребителей «И-16», зениток катастрофически не хватало.

Наступление захлебнулось, дивизия понесла потери и отошла на прежние позиции. Но задачу свою она выполнила: немцы испугались, заосторожничали, остановили наступление на Москву и стали подтягивать из тыла свежие части да организовывать оборону, опасаясь повторного удара русских.

Сейчас каждый день, каждая неделя играла на руку советским войскам. Мобилизационные резервы русских были истощены, промышленность после эвакуации только налаживала производство вооружений.

Ночами по нейтральной полосе ползали и наши, и немецкие саперы – ставили мины. Немцы обычно всегда освещали свой передний край и нейтральную полосу. Но когда на «нейтралку» выходила разведгруппа или саперы, осветительные ракеты пускать переставали. Для наших это была своеобразная подсказка: или немцы попытаются захватить «языка», или ставят мины. Иногда на «нейтралке» сталкивались наши разведчики с немецкими или разведчики и саперы. Вспыхивал короткий ожесточенный бой. Огнестрельное оружие старались не применять, дрались ножами, штыками, саперными лопатками. В одну такую переделку попал и Алексей.

Они группой из семи человек сняли немецкие противопехотные мины и установили их же, но в другом месте. Места установок и наши, и немцы отмечали на картах. В первую очередь такие схемы нужны были разведчикам.

Группа уже возвращалась назад, как командир вдруг поднял руку. Саперы замерли, приготовив оружие. Навстречу им, левее на полсотни метров, двигалась другая группа – тоже в белых масках.

Не заметив неподвижно лежащих саперов, немцы проползли совсем рядом и попали на только что установленные мины – SMi-35, выпрыгивающие. Раздался хлопок вышибного заряда, и следом – взрыв. Вскрикнули раненые.

Видимо, немцы решили, что они наткнулись на случайно установленную или не обезвреженную ранее мину. Группа подалась влево и попала на противотанковую Stochmine, дающую четыреста осколков. Группа погибла почти вся, уцелел только замыкающий, но и

он был контужен, саперы «спеленали» его без сопротивления. Так и притащили в траншею пехотной роты. Немец к тому времени отошел, дергаться стал, да поздно.

Пленного передали в особый отдел. Разведчики в плен попадали редко, и если их обнаруживали, обычно они отстреливались до последнего. «Языком» они были хорошим, знали много.

Командиру саперной группы потом дали медаль «За отвагу».

Через несколько дней минеров построили. Перед взводом прошелся незнакомый старший лейтенант.

– Бойцы! Нужны добровольцы для задания. Не скрою, задание опасное. Кто согласен, шаг вперед.

У саперов служба была сама по себе опасной. Немного недоглядел, поторопился, или немцы новый, неизвестный взрыватель поставили – и все. В лучшем случае – без руки, в худшем... Про худший случай думать не хотелось. А тут предлагают опасное задание, стало быть – и вовсе не фунт изюму.

В саперах большей частью служили мужики зрелого возраста, отцы семейств, люди степенные, серьезные, и лезть на рожон никто по доброй воле не хотел. Один Алексей шагнул вперед, когда молчание затянулось и строй стоял, не шелохнувшись.

Незнакомый командир посмотрел на командира саперного взвода – тот кивнул.

– Рядовой Ветров! – доложил командиру Алексей, когда лейтенант подошел к нему.

– Вольно, разойдись! – скомандовал он. – А ты, Ветров, со мной!

Они прошли в землянку командира взвода.

– Садись! – показал на саперный ящик незнакомец. – Я командир взвода дивизионной разведки Мокрецов. Карту читать умеешь?

– Учили.

– Тогда смотри. Вот здесь, за линией фронта, в десяти километрах, находится мост. Его надо взорвать.

– В немецком тылу? – удивился Алексей. – Я же до немецкой передовой не доберусь!

– Пойдете с группой разведчиков. Они тебя проведут, прикроют. Твоя задача как специалиста – взорвать этот чертов мост.

– Он железный или деревянный?

– Железный, однопролетный.

– Это килограмм пятьдесят взрывчатки надо, детонаторы, провод, подрывную машинку. Не унесу я все – а еще оружие.

– Взрывчатку разведчики помогут донести, остальное – сам. И сам же выберешь, куда и как взрывчатку заложить.

– Немцы ведь мост наверняка охраняют, – выдохнул Алексей.

– Вопрос правильный. За снятие часовых отвечают разведчики, твое дело – заминировать и взорвать.

У Алеши в голове крутился вопрос, только он не решался задать его командиру. Однако тот и сам заметил, что Алеша мнется.

– Вопросы есть?

– А с отходом как? Немцы после взрыва всполошатся, могут не дать уйти.

– Вопрос правильный. Командир разведгруппы – человек опытный, отходить будете сразу после взрыва в немецкий тыл и фронт переходить в другом месте. Винтовку свою оставь здесь, неудобная она для рейда.

– Слушаюсь, – Алексей поставил трехлинейку в угол землянки.

– Пойдем.

Алексей и Мокрецов вышли из землянки саперов и пошли к штабу. Разведчики зачастую располагались недалеко от штаба, всего-то двести метров от командования, место глухое.

Располагался взвод в нескольких деревенских избах.

Алексея представили разведгруппе, состоящей из восьми человек. Парни были молодые, сверстники Алексея.

Командир группы, старший сержант, спросил:

– Тебе рассказали о цели?

– Да.

– Напиши список, что тебе нужно. Только не вздумай что-нибудь забыть. На той стороне взять будет негде, сорвешь задание.

– Понял я.

На листке бумаги карандашом он написал список необходимых ему предметов и отдал его командиру. Тот пробежал список глазами.

– Доставим. Как со здоровьем? Не кашляешь?

Алексей улыбнулся.

– Нет.

– Отставить улыбки! В разведке каждая мелочь важна. Кашлянешь, когда через немецкую траншею пойдем, – всю группу положат. Да шинель сними, неудобно в ней. Арбузов, сходи с ним в каптерку, пусть ватник дадут, рукавицы и маскхалат. Сапоги ему подбери на размер больше и пару носков шерстяных.

– Так точно, товарищ старший сержант.

В соседней избе Алексею подобрали сапоги, причем немецкие, с широкими и короткими голенищами.

– А они зачем?

– Голову включи! Они такой же след на снегу оставят, как и у тысяч других немецких солдат. А след наших кирзачей в глаза бросаться будет.

Алексей сконфузился. Ведь он охотник, и про следы мог бы и сам догадаться.

Ему подобрали хлопчатобумажные носки и теплые вязаные.

– Богато живете! – заметил Алексей.

– Неуставные. Это из тыла присылают подарки фронту. Попробуй зимой в одних портянках на снегу полежать несколько суток – сам поймешь.

Подобрали телогрейку, меховые рукавицы, белый маскхалат. А в завершение экипировки – вещмешок, по фронтовому «сидор».

Оделся Алексей и стал похож на других парней из группы.

Сапоги при ходьбе по полу постукивали подковками, и было немного непривычно.

Парни в группе оказались компанейские, приняли его неплохо, покормили. Обращались, как с давним приятелем.

К вечеру доставили все, заказанное Алексеем. Он сам тщательно проверил взрыватели, провод, подрывную машину. Тол в двухсотграммовых брусках был армейский. Иногда, по нужде, использовали аммонит для буровых работ, но он был хуже.

Все, кроме тола, он уложил в свой «сидор». Тол распределили по вещмешкам других разведчиков – у Алексея «сидор» и так получился увесистым.

– Кроме трехлинейки, с каким оружием обращаться умеешь?

– С немецким автоматом приходилось.

– Отлично! Арбузов, снабди.

Алексею выдали немецкий МР-38/40 и два подсумка с запасными магазинами.

– Это на крайний случай, без команды не стрелять. Нож есть?

– Есть.

– Возьми с собой. Всем одеться и построиться.

Группа выстроилась для досмотра.

– Попрыгали.

Алексей удивился, но, как и все, попрыгал. В отличие от вещмешков разведчиков, содержимое его «сидора» во время прыжков постукивало.

Командир группы досадливо крикнул, покачал головой:

– Устранить!

Разведчики помогли. Алексею дали чистые портянки, которыми обмотали подрывную машинку и отдельно – детонаторы. «Сидор» собрали вновь, и Алексей снова попрыгал. На этот раз вещмешок «молчал».

– Богачев, за линию фронта пойдешь дозорным, Кропачев – замыкающим. Сапера страхуют и приглядывают за ним все. Вопросы?

– Вопросы нет.

– Выходи строиться.

У избы выстроились боевым порядком и двинулись в сторону передовой. Алексей сразу заметил, что разведчики идут, попадая след в след. Для чего это, догадался сам – чтобы следов меньше оставлять.

Пока добрались до передовой, стемнело. Расположились в траншее. Командир группы переговорил с пехотным лейтенантом.

– Немцы никаких новых огневых точек и дозоров не ставили?

– Не приметили.

– Смена часовых по-прежнему в ноль часов?

– Так.

– Немецкие саперы на левом фланге мин или колючек не ставили?

– Не замечали активности.

– Вы, товарищ лейтенант, своих часовых предупредите, что мы на «нейтралку» пойдем, а то они с перепугу стрельбу устроят.

– Уже довел до сведения.

– Вот и ладненько.

Алексей спросил у сидящего рядом на корточках Михаила:

– Чего ждем?

– Перед сменой часовых у них глаз «замыливается», внимание уже не то. В это время переходить лучше всего.

– Понял.

В каждой службе свои тонкости.

По команде командира группы Фирсова выбрались за бруствер. Неуютно, в траншее безопаснее. А на «нейтралке» шальная пуля может чью-то жизнь оборвать и сорвать задание.

Один за одним разведчики ползли к немецким траншеям.

Метров через двести их окликнули из окопа:

– Стой! Кто идет?

– Свои!

– Пароль?

– Ленинград. Отзыв?

– Мушка. Ползите.

Проползли мимо окопа часового. После него стали забирать влево. Ориентир там был хороший, сгоревший бронетранспортер. А еще левее – что-то вроде небольшой балки, мелкого оврага. Таких мест немцы не любили. Любую низину при дожде заливает, да и гранатами закидать легко. И потому они устанавливали мины, протягивали колючую проволоку, подвешивая на нее банки, ставили «ракетчика», периодически освещавшего балку. Но

немецкой пехоты, траншей там не было. Через эту балку группа уже переходила в немецкий тыл.

Доползли до бронетранспортера. До немецких траншей отсюда было метров сто. Налетавший от вражеских позиций ветерок доносил иногда обрывки немецкой речи. Алексею становилось не по себе, но разведчики вели себя спокойно.

Они поползли дальше. В какой-то момент раздался хлопок, в небо взвилась осветительная ракета и повисла на парашютике. Разведчики замерли, вжались в снег. Когда ракета догорела, поползли снова. Вниз, в саму балку они не спускались, продвигаясь по небольшому склону.

Снова взвилась ракета, и группа замерла.

Продвигались медленно. Богачев, ползущий впереди, руками прощупывал перед собой снег – вдруг немцы мины поставили.

Часа через два балочка осталась позади. Разведчики поднялись и белыми призраками двинулись к видневшемуся впереди большаку.

– А чего не к лесу? – поинтересовался у Михаила Алексей – правее большака виднелся лес.

– У немцев в лесу батарея стоит и медпункт. Часовой заметить может.

– Разве на дороге безопаснее?

– Ночью немцы по дороге не ездят, а если и поедет кто, мы фары издалека увидим, можно в кювете спрятаться.

На каждом шагу Алексей узнавал что-то новое.

Шли почти до утра. Потом улеглись в чистом поле, хотя недалеко стояли скирды с сеном.

– В сене сподручнее лежать: ветра нет, теплее, – снова обратился Алексей к Михаилу.

– Немцы за сеном подъехать могут, обнаружат. А в чистом поле что им делать? Им и в голову не придет, что здесь кто-то есть. Хочешь что-то спрятать – положи на видном месте.

Чем больше узнавал Алексей, тем больше нравились ему разведчики – в чем-то их служба была сродни охотничьему ремеслу.

– Можешь оправиться и вздремнуть немного. Мост – он рядом, впереди. Рассветет – сам увидишь. Отсюда за сменой часовых наблюдать удобно – если они есть.

Командир группы назначил наблюдателя, остальные зарылись поглубже в снег и задремали. При малейшей возможности разведчики пытались отдохнуть. Неизвестно, когда придется поспать – ведь ночь и так выдалась бессонной.

Алексею тоже было не привыкать спать зимой на снегу. Иногда он уходил от своей заимки довольно далеко, ночевал в лесу. Но там, в Сибири, ситуация была все-таки иной. Он разводил костер, валил туда сухостой, перерубал ствол дерева на две части, одно бревно клал на другое и поджигал. Деревья горели долго, до утра, давая ровный жар. Он ложился рядом с горящими бревнами и периодически поворачивался, грея то спину, то грудь. Даже в тридцати-сорокаградусные морозы костер позволял не обморозиться. Тут же, в чистом поле, где мела поземка, а морозец был изрядным, костра не хватало.

Через пару часов Алексей почувствовал, что начинают мерзнуть ноги. Он подвигался лежа, повернулся, приподнял голову.

Было уже светло, Фирсов бодрствовал, разглядывая в бинокль подступы к мосту.

Алексей перевернулся на живот. Метрах в трехстах впереди был мост через реку. Сейчас река была скована льдом, но берега были высокие, на машине по льду не проедешь.

Мост был однопролетный, железный, несколько конструкций его было покорежено взрывом – видимо, по осени мост пытались бомбить. Наши или немцы – непонятно, земля эта много раз переходила из рук в руки. Был бы у моста в середине опорный «бык», рвать

надо было бы там. Взорвать мост в середине? Или лучше с двух сторон. Ближе к берегам? У каждого способа свои преимущества и свои недостатки.

Движение по мосту было оживленным. Из-за низкой облачности, ветра, поземки авиация не летала, и немцы не таились. Почти сплошным потоком к фронту шли груженные грузовики, прошло несколько танков. И часовые на мосту были – с каждой стороны по солдату.

Видимо, подошло время смены караула. К мосту подъехал небольшой крытый грузовичок, из кузова выпрыгнул солдат, из кабины выбрался разводящий. Старая смена, озябнув, тут же забралась под брезент.

Караул располагался в ближайшей деревне. Это хорошо, с двумя часовыми разведчики справятся, помощь быстро не появится. А взрывать мост надо ночью, когда движения по дороге нет или оно минимально. И закладывать взрывчатку надо быстро, по зимнему времени немцы могут сократить время между сменами караула. Но это уже Фирсову решать. Не зря он глаз от бинокля не отрывает, на часы поглядывает.

Алексей подвигался, пытаюсь согреться, свернулся калачиком и снова уснул.

Проснулся от толчка. Рядом – Михаил, протягивает ему кусок хлеба с салом.

– Перекуси.

Сало было твердым, а хлеб на морозе и вовсе превратился в камень. Но голод – не тетка.

Алексей сунул часть бутерброда в рот, подождал, пока он согреется, и откусил. Так, не спеша, он съел и хлеб, и сало.

На морозе голодный замерзает быстрее, впрочем – как и пьяный.

После небольшого перекуса ждать стало легче.

К вечеру Фирсов подозвал двоих разведчиков, пошептался с ними, а потом разведчики уползли к мосту.

– Пора выдвигаться.

Группа поползла к реке. Пока Фирсов наблюдал за часовыми, он обратил внимание, что немцы следят за дорогой, не обращая внимания на реку. Вот по льду реки командир и решил подобраться к мосту поближе.

Разведчики выбрались на лед. Морозы зимой сорок первого года были лютые, лед был толстым и выдержать мог не только группу людей, но и груженный грузовик.

Стемнело. Фирсов поглядывал на часы. Немцы еще передвигались по дороге при свете синих фар, но машин становилось все меньше и меньше. Потом пришел грузовик со сменой караула.

Отстоявшая свое на часах, замерзшая смена погрузилась в грузовик, предвкушая отдых в тепле.

– Вперед!

По льду разведчики поползли к мосту. Белые маскировочные халаты делали их в темноте, на фоне снега, невидимыми для часовых.

Подобрались близко – было слышно, как переговариваются часовые. По Уставу карательной службы на посту нельзя разговаривать, принимать пищу, курить и спать. Но война вносила свои коррективы, и немцы, педанты во всем, в боевых условиях Устав нарушали. Вот и теперь они переговаривались, а потом закурили – ветерок доносил запах табачного дыма.

Фирсов ткнул пальцем в часового и в грудь Кропачева, потом указал на другого часового и на Богачева. Оба разведчика кивнули и поползли к указанным целям. Остальные выжидали, приготовив оружие на случай неудачи. Если один из разведчиков не сможет снять часового и тот поднимет тревогу, группе разведчиков на льду придется туго. И даже если они выберутся на берег, проще и легче не будет. Примчится бодрствующая смена караула, осветят берег фарами. Укрыться будет негде, и завязавшийся бой будет для разведчиков заведомо

проигрышный. К тому же немцы могут себе позволить вызвать подкрепление и не жалеть патронов.

Напряжение возрастало. Было видно, как у обоих въездов на мост маячили темные силуэты часовых. Что было плохо – часовые, спасаясь от ветра и мороза, непрерывно расхаживали. А снять их надо было одновременно.

Наших разведчиков не было видно. Как Алексей ни старался разглядеть, все случилось в одно мгновение. Кажется, он только моргнул, но обоих часовых уже не было видно. Потом раздался едва слышный свист.

– Минер, твоя очередь. Парни, взрывчатку на мост!

Разведчики с грузом взрывчатки, не скрываясь, побежали по мосту. Алексей замешкался.

– Какого черта! Вперед! – зло прошипел Фирсов.

Оскальзываясь на снегу береговых склонов, Алексей выбрался на мост. Трупы часовых уже сбросили с него, и разведчики присыпали их снегом, чтобы темные немецкие шинели не бросались в глаза.

Алексей установил взрывчатку на фермы моста с обеих сторон, заложив в каждую закладку для верности по два взрывателя, подсоединил провода и стал их разматывать.

– Не на учениях, времени нет.

Михаил схватил моток провода и скинул его с моста на лед.

– Стрелой вниз, пора рвать.

Алексей так и сделал. Он съехал на пятой точке по склону, ухватился за провод и побежал в сторону. Когда провод закончился, он подсоединил его к взрывной машинке.

– Готов! – крикнул он снизу Фирсову – тот лежал к мосту ближе.

– Всем уходить! – скомандовал старший сержант.

Разведчики побежали с моста. Когда вся группа попадала на снег рядом с Алексеем, Фирсов приказал:

– Рви!

Алексей сделал несколько оборотов рукой, вдавил планку.

На мосту блеснуло пламя и здорово ахнуло. Во все стороны полетели куски железа. Один, довольно увесистый, упал рядом с вжавшейся в снег группой. Со стороны моста туманом надвигалась снежная пыль, поднятая взрывной волной.

– Все! Уходим! – Фирсов вскочил и бросился к берегу.

Разведчики и Алексей кинулись за ним. Теперь им надо было успеть убраться как можно дальше.

Зима имеет свои плюсы и минусы. Минус – их следы на снегу, а плюс – немцы зимой не применяют собак – собачий нюх на морозе запахи не берет.

Бежать без груза взрывчатки было легче. Они бежали след в след, бежали долго, пока не стало перехватывать дыхание.

– Пять минут отдыха! – скомандовал Фирсов.

Все без сил попадали в снег.

Фирсов достал карту, фонарик:

– Прикройте!

Два разведчика улеглись у головы сержанта – так не был виден со стороны луч фонарика.

Фирсов сориентировался по карте. Только до Алексея не доходило, где он увидел ориентиры, чтобы привязаться на местности.

– Подъем!

И снова бегом, до темных кругов в глазах.

За ночь они успели отойти от места взрыва километров двадцать пять. Какой там мороз – все были мокрыми от пота. Когда уже не было сил и казалось – все, открылось второе дыхание. Благо – светает зимой поздно.

Около восьми утра они выбрались к деревне, залегли неподалеку от нее и стали наблюдать. Из печных труб поднимался дым.

Лежа на снегу в мокрой, пропотевшей одежде, разведчики стали замерзать.

С рассветом начали попадаться на глаза местные жители, большей частью старики и подростки – они носили в избы дрова из сараев.

– Собак нет, не гавкают – плохо.

– Почему плохо? – заинтересовался Алексей.

– Или немцы были в деревне, или квартируют до сих пор.

– Собаки-то здесь при чем? – удивился Алексей.

– Отстреливают они их сразу. Для нас – сигнал. Собаки нас уже учуяли бы или услышали, голос подали. А тут хоть бы какая-нибудь гавкнула, – подробно рассказал Михаил.

– Понял.

Однако же, если бы не объяснение, сам бы он не догадался. Ну, не гавкают собаки – и что с того? Может, дрыхнут да сны свои собачьи видят?

– Машин и мотоциклов не видно, значит – немцев в деревне быть не должно. Они пешком не ходят.

– Даже пехота?

– Видел я летом ихнюю роту на велосипедах – так сейчас зима. А чтобы пешком – не приходилось.

– Богато живут!

Они понаблюдали еще час, потом Фирсов приказал:

– Кошелев – в деревню. Посмотри повнимательней насчет немцев и полицаев.

Кошелев ужом пополз в деревню. Не хотелось командиру группу морозить. Если простудятся, кашлять начнут – попробуй тогда через немецкие позиции к своим попасть. Оно и правильно, командир должен заботиться о подчиненных, иначе группу потеряет ни за понюшку табаку.

Алексей, уже успевший повоевать в окопах, оценил слаженность действий и опыт разведчиков. Новички знания своей кровью добывать будут, разведчика из пехотинца быстро не вырастишь. Он даже позавидовал группе. В разведку брали добровольцев, только подходили не все. Здесь мало умения стрелять, здесь нужны терпение, наблюдательность, быстрота реакции – да много чего. Конечно, пехотинец в траншее тоже рискует, но ему проще. Ранят – так санитар помощь окажет, в тыл, в госпиталь отправят. Худо-бедно, но в траншее накормят, боеприпасами снабдят. А разведка сама во вражеский тыл идет, действует в отрыве от своих – там, где помощь не получит. Мало в тыл немецкий пробраться, хотя и это уже само по себе серьезно – ведь немцы не дураки. Надо еще задание выполнить и, как правило, не из простых, а, добыв сведения, к своим их доставить. Что проку в самых секретных данных, если их к своим вовремя не доставили?

Кошелев дважды ухнул филином. Любой охотник или егерь посмеялся бы над таким сигналом. Где это видано, чтобы сова или филин ухали среди бела дня? А городской житель и не поймет. Для него что сова, что сорока, что филин – все одно.

Разведчики поднялись и пошли к деревне.

– Чисто, товарищ сержант. Немцев и полицаев нет. Деревня от дорог в стороне, чего им тут делать?

– Как называется деревня?

– Воробьино.

– Хату для отдыха присмотрел?

– Так точно. Вторая отсюда. Хозяев двое, места много – вся группа поместится.

– Веди.

У избы, деревянной пятистенки, Фирсов группу остановил.

– Леонов, на часах остаешься. Тебя минер сменит.

– Есть.

Группа вошла в дом. Лицо и руки сразу ощутили тепло. Только тот, кто долго находился на морозе, оценит тепло домашнего очага.

– Хозяйка, мы не надолго – на постой, – не то попросил, не то распорядился Фирсов.

Старик за столом кивнул, хозяйка полезла в печь, достала чугунок с вареной картошкой и поставила его на стол.

Каждому досталось по две картофелины – еще теплые, духовитые. Разведчики положили на побеленную печь хлеб и сало, иначе их угрызть было невозможно.

Картошку вмиг съели. В боевых условиях выдавались каши, а картошку разведчики уже и не помнили, когда ели. Потом они принялись за оттаявшие хлеб и сало – после ночной пробежки есть хотелось ужасно. А еще – спать. Фактически двое суток они были на ногах и на холоде.

Командир распорядился:

– Всем отдыхать! – самая долгожданная команда в армии.

Разведчики улеглись на пол и отключились сразу. Алексею показалось, что он едва веки сомкнул, а его уже будят.

– Леонова смени, – шепотом сказал Фирсов.

Глава 3

В разведке

В теплой избе удалось согреться и поспать, и потому мороз не казался теперь Алексею таким сильным. А морозец был ядреным, градусов двадцать пять.

Чтобы не маячить и не привлекать внимания, Алексей взобрался на крышу хозяйского сарая. На ней лежал снег, и он в белом маскхалате не бросался в глаза, зато с крыши было видно лучше и дальше. Только приходилось вертеть головой, держа под наблюдением оба конца деревушки.

Небо было хмурое, солнца не видно, ветер северный, пронизывающий, мела поземка, и с подветренной стороны за Алексеем намело целый сугроб.

Сменить его вышел Михаил. Он покрутил головой из стороны в сторону, но часового не увидел.

Алексей видел растерянность разведчика.

– Эй, парень, ты не меня ли ищешь?

Посмеялись.

– Иди в избу, согрейся да поешь. Хозяйка картошки полный чугунок наварила, тебе оставила. Через час-два уже уходить будем.

Кто был бы против? Алексей спрыгнул с крыши, тотчас утонув в снегу едва ли не по пояс. Михаил, в свою очередь, забрался на крышу, а Алексей поторопился в избу.

Там было тепло, и стоял неповторимый, ни на что не похожий запах вареной картошки. Разведчики уже поели и оставили Алексею его долю: хлеб, сало, картошку в миске и соленый огурец из хозяйских запасов. Голод не тетка, Алексей быстро подхарчился. Жизнь явно стала веселее.

Разведчики отоспались, согрелись и теперь подшучивали друг над другом. Фирсов разложил карту на столе и водил по ней пальцем, что-то бормоча.

За окном стало сереть – день заканчивался.

– Оправиться, приготовиться к выходу, – прозвучала команда.

Разведчики засуетились. Группа забралась в немецкий тыл километров на пятьдесят, и теперь им предстояло идти параллельно немецкой передовой, а потом, повернув направо, переходить линию фронта. Передвигаться было теперь сподручнее – не было взрывчатки, съедена бо́льшая часть провизии, и «сидоры» были почти пустыми.

Лица разведчиков обветрели на морозе, и кое-где от небольших отморожений на коже отваливались корочки – прихватило все-таки морозом. За три дня отросла щетина, и теперь разведчики выглядели страшновато – как бандиты.

– Выходим! Хозяева, за беспокойство простите, а за угощение спасибо от всей Красной Армии.

Разведчики вышли во двор. Михаил спрыгнул с крыши. Вокруг было уже совсем темно, лишь кое-где из-за прикрытых ставень пробивались слабые лучики света.

Деревенские пользовались лучинами, как их прадеды в старину – достать керосин для освещения или свечи было невозможно.

Гуськом, след в след разведчики вышли из деревни. За ночь предстояло прошагать десяток километров вдоль передовой, а потом идти к ней. Фирсов планировал за ночь подобраться поближе, понаблюдать, определить удобное для перехода место и следующей ночью перейти к своим.

Они шли по полю, каждые четверть часа меняя впереди идущего. Ему приходилось тяжелее всего: снег был глубокий, а первому надо было торить дорогу для всех.

Этот десяток километров дался трудно, выдохлись все. Дороги в этих местах шли в основном с запада на восток, а разведчики шли с юга на север. Легче стало во второй половине ночи, когда они повернули к передовой. Сначала вышли на санную дорогу, потом – на укатанный шлях. Теперь шагалось быстрее. Впереди, метрах в ста, шел дозорный.

Пройти по дороге удалось километров десять, и это была просто удача. Бойцы взбодрились – это не степной целиной пробиваться. Но потом дозорный остановился и поднял руку. Вся группа бросилась с дороги в поле и залегла.

Вдали послышался шум моторов, мелькнули синие огни фар – приближалась колонна автомашин. Впереди ехал мотоцикл с коляской – его-то и засек издали дозорный.

Маскхалаты не позволили немцам засечь разведчиков – их фигуры сливались со снегом. Мимо разведчиков, совсем рядом, обдавая их бензиновыми выхлопами, прошли пара «Опель Блитцев» и восемь тяжелых «Бюссингов». Колонна уже скрылась, а в морозном воздухе еще долго держался запах сгоревшего бензина.

Разведчики снова вышли на дорогу и двинулись прежним порядком.

Едва они прошли пару километров, как увидели впереди большое село. На улицах, в непосредственной близости к домам, стояли автомашины.

Разведчики обошли село стороной, сделав изрядный крюк.

До утра, где по дорогам, а где и по снежной целине они добрались до ближайших немецких тылов. Сначала наткнулись в деревне на немецкий госпиталь. С ним определились легко – по машинам с красными крестами на бортах фургонов. Только обошли их, как в роще напоролись на батарею тяжелых гаубичных орудий. Фирсов определился на местности и нанес расположение батареи на карту.

А уж потом они то шли, то ползли, поскольку немецкие подразделения стали встречаться чаще. Пока выручала темнота и помогал холод – без нужды немцы нос на улицу не показывали.

Когда небо на востоке начало сереть, они улеглись в чистом поле на небольшом пригорке. Отсюда наблюдать было удобно: видно дальше, и никто не заподозрит, что в открытом поле, можно сказать, на виду, находится группа разведки. Сам Фирсов и двое разведчиков наблюдали, остальным позволено было отдыхать.

Метрах в двухстах впереди находилась вторая линия немецких траншей. На каком удалении от нее первая, пока непонятно.

Солдаты во второй линии чувствовали себя как дома. Они выбирались из траншей, собирались группами, не таились. Потом к ним подъехала полевая кухня, и солдаты выстроились в очередь к ней с котелками.

– Нам бы сейчас к этой кухне, горяченького поесть, – мечтательно произнес Михаил. – Интересно, чем немцев кормят?

Судя по поведению немцев, до первой линии их траншей было километра два-три. Было бы меньше – остерегались бы, опасаясь выстрелов снайперов или пулеметного огня.

Внезапно немцы забегали, скрылись в траншеях и открыли огонь из минометов по невидимому отсюда противнику.

И эту батарею Фирсов нанес на карту – все нашим помощь будет, артиллерия или авиация нанесет удар, подавляя батарею.

Для разведчиков батарея вражеская – это хорошо, это слабое место в обороне противника. Пехотинцев в траншее больше, ракеты осветительные пускают чаще. А минометчики сидят тихо, надеются на пехоту – на всю батарею ночью только один часовой.

Неожиданно раздался один, второй, третий взрыв – это наши попытались артиллерийским огнем нащупать немецкую батарею. Но наш артиллерийский разведчик был, видимо, далеко и корректировал почти вслепую. Однако немцы перестали вести огонь и попрятались в окопы и щели.

– Эх, сейчас бы рацию, скорректировать огонь – было бы славно, – заметил Михаил. Он все время держался поблизости к Алексею. То ли выполнял указание Фирсова опекать минера, то ли просто Алексей нравился ему – характерами сошлись.

Больше стрельбы не было.

Часа через два на передовой, на удалении от них, вспыхнула ожесточенная пулеметная перестрелка, гроыхнуло несколько приглушенных расстоянием взрывов.

– Пулеметы слышны, до передовой пара километров, – шепнул Михаил. – Наши рядом, а мы тут мерзнем.

Однако впереди были самые опасные километры. Войск полно, есть инженерные заграждения – вроде колючей проволоки или противотанковых рвов. Немцы всегда старались оборудовать свои позиции по максимуму, у них даже траншеи обкладывались жердями.

Из-за состояния вынужденной неподвижности разведчики стали замерзать и с нетерпением ждали наступления темноты.

Стемнело через два часа. Луны не было, и наступившая темнота была полной. Разведчикам же это было на руку. Они поползли вперед, прямо на батарею.

Минометы у немцев стояли в капонирах.

Перед батареей задержались, определяя местонахождение часового. Он выдал себя через несколько минут – кашлянул, прошелся, над траншеей показалась его каска.

Фирсов рукой показал влево. Туда они и поползли, перемахнув траншеею. Отползли еще на сто метров и встали.

Из первой линии траншеи стали пускать осветительные ракеты, и разведчики увидели, где передовая. Метров за пятьсот до нее они легли на землю и дальше уже ползли.

Траншея стала ближе, уже доносились голоса немцев.

Хлопок вверх, и в сторону позиций Красной Армии взвизгивает ракета. Когда она повисает на парашюте, заливая «нейтралку» мертвенным слепящим светом, дает очередь немецкий пулемет. Он бьет в темноту, по нейтральной полосе, по площадям, не давая работать на поле нашим саперам и разведчикам. На языке артиллеристов это называется «вести беспокойный огонь».

Группа разведчиков лежала, Фирсов раздумывал. Наилучшим выходом сейчас было снять пулеметчика – тогда можно было выиграть несколько минут. Но, не услышав стрельбы, немцы проверят, почему замолк пулемет. Обнаружив труп, они поймут, в чем дело, и откроют по «нейтралке» огонь из всех стволов. Если же перебраться через траншею, не трогая пулеметчика, он их может засечь при свете ракеты. Вот и решал Фирсов дилемму.

И все-таки он решил не трогать пулеметчика.

Между выстрелами ракетчика проходило около минуты. При продвижении вперед урывками могло повезти.

Едва погасла ракета, Фирсов махнул рукой, указывая вперед.

Невидимыми призраками разведчики перемахнули траншею и упали в десятке метров от бруствера.

Снова хлопнула ракетница, потом прозвучал пулемет.

Ракета погасла, и разведчики без команды поднялись и побежали. Каждый про себя вел счет. Когда время приблизилось к минуте, все снова залегли. Немцы педанты, ели, спали, стреляли – все по распорядку.

В небо снова взмыла ракета. При ее свете разведчики увидели впереди заграждения из колючей проволоки. Фирсов передал по цепочке:

– Сапера вперед.

Алексей пополз.

Вот и вбитые в землю колья, между которыми натянута колючая проволока. Можно перерезать, но на проволоке могут висеть пустые консервные банки. Звякнут, поднимут тревогу, а до немцев всего метров шестьдесят-семьдесят.

Стволom автомата Алексей подцепил нижний ряд и медленно приподнял проволоку. Теперь под ней вполне можно было проползти. А разведчики были уже рядом.

Алексей махнул рукой. Один за другим мимо него проползла вся группа – все восемь человек. Последним был он сам, держа проволоку рукой. К нашим траншеям он полз впереди, ощупывая пространство перед собой – немцы вполне могли поставить мины. В перчатках тонкую проволоку не нащупать, и Алексей ощупывал путь перед собой голой рукой. Хорошо – проход узкий требовался, в полметра, на одного человека.

Остальные ползли по его следу.

Кисть руки быстро замерзла, и Алексей останавливался, дышал на нее, согревая пальцы, а потом снова полз вперед. Кончики пальцев начало покалывать. Он снова остановился и сунул руку за пазуху, отогревая ее.

– Чего разлегся? – дернул его за ногу Фирсов.

– Рука заоченела, не чувствую ничего.

Они уже отползли от немцев метров на двести – двести пятьдесят, а наших даже еще и не было слышно. Не тянуло дымком табачным, не слышно было разговоров, бряцания оружием.

Алексея разобрала злость – да где же эта передовая? Он шарил рукой и полз. Да, видимо, поторопился. Кисть замерзла, он в очередной раз стал на нее дышать и увидел прямо перед лицом, в десяти сантиметрах, взрыватель немецкой прыгающей мины. А ведь его рука уже прошла над ней... Двинься он вперед – и вся группа погибнет.

Алексей отполз на метр назад, зацепив сапогом голову старшего сержанта.

– Ты чего?

– Мина.

Мины рядом никогда не ставились, между противопехотными всегда была дистанция метров десять-пятнадцать.

Алексей прополз стороной. Теперь он задействовал и левую руку. Работать ею было непривычно и неудобно – он правша. Но пока он работал левой, правая успевала немного отогреться, восстановить чувствительность.

Дело пошло быстрее. Алексей уже потерял счет пройденным десяткам и сотням метров, как впереди раздался щелчок затвора.

– Стой, кто идет? – окликнул его часовой из окопа.

– Свои, разведка.

– Ползи сюда, только руки подними.

– Ты что, дурак?? – взъярился Фирсов. – Как же мы ползти будем с поднятыми руками? – И витиевато выматерился.

Мат успокоил часового.

Группа доползла до него.

Часовым оказался молодой парень, совершенно озябший в короткой шинели.

– Ротный твой где?

– За траншеей, в землянке греется, – завистливо ответил часовой.

– Веди.

– Не могу пост оставить, старшина взгreet. Вы уж сами...

Перед часовым возникла вся разведгруппа. Только что перед его глазами было чистое, заснеженное поле, и вдруг – целое отделение в двух шагах. Парень только глазами хлопал.

Уже не скрываясь, в полный рост они подошли к траншее и спрыгнули в нее.

В траншее было пусто, в углублении за бруствером стоял «максим».

– Эй, есть кто-нибудь? Славяне!

– Чего орешь, людям отдыхать мешаешь?

Из-за поворота траншеи вышел пожилой боец. На его телогрейке не было погон, и звание его бойцам было неизвестно.

– Кто такие?

– Разведгруппа сто тридцать второй дивизии. Командир – старший сержант Фирсов. К командиру води.

Боец вздохнул:

– Идите за мной.

Они прошли немного по тропинке и, повернув по ответвлению ее, уперлись в тупик. Боец остановился перед куском танкового брезента, загораживающего вход в землянку.

– Товарищ лейтенант, к вам разведчики.

Брезент откинули, и показался лейтенант – тоже в телогрейке, на голове шапка-ушанка, лицо заспанное.

Фирсов вытянулся перед ним, доложил.

– Чего ко мне, разведка? Пусть вас старшина в штаб полка ведет, там разберутся.

Боец, стоящий рядом, ответил: «Есть», – однако не козырнул.

– Пошли, разведка.

Пока они выбрались в тыл, рассвело. Начальник штаба полка созвонился с их дивизией и получил подтверждение. Разведчиков покормили и грузовиком отправили в дивизию.

В кузове было холодно, задувал ветер, но настроение было приподнятым. Группа выполнила задание и вернулась без потерь. Так бывает далеко не всегда.

По прибытии в дивизию Фирсов отправился в разведотдел для доклада, а разведчики – в свою избу.

Алексей потоптался на месте: идти с разведчиками или в свой взвод? Заметив его колебания, Михаил сказал:

– Иди с нами. Фирсов придет – скажет, что дальше делать. Поешь пока, обогреешься.

Они поели на полевой кухне и завалились спать. Пока командир вернется, что время попусту терять?

Фирсов вернулся через два часа и увидел Алексея.

– Ты тут?

– Приказа вернуться в свой взвод не получал.

– Правильно. Я смотрю – ты парень неплохой и вел себя достойно. Хочешь в разведке остаться?

– Я не против.

– Вот и ладушки. После обеда схожу к начальнику штаба, пусть приказом оформит, чтобы тебя дезертиром не сочли. Отдыхай.

– Есть.

Вымотавшись в рейде, они проспали до обеда. После обеда Фирсов позвал Алексея, и они пошли в штаб.

Алексей стоял в коридоре – Фирсов все решил сам. Тот вышел довольный и протянул Алексею его красноармейскую книжку.

– Любуйся, ты теперь в разведке числишься. И не благодари. Служба у нас рискованная, спрашивают строго.

Отдыхали три дня, отсыпались и отъедались. Потом объявили построение, на котором Фирсов представил небольшого щуплого бойца, больше похожего на подростка. И одет он был в гражданскую одежду – потрепанный кожаный жилет и суконные штаны, заправленные в подшитые валенки. Его принадлежность к армии выдавал «сидор», в котором угадывался прямоугольный предмет.

– Рация, – шепнул Михаил.

– Знакомьтесь – Василий. Вечером он с вами на ту сторону пойдет.

Началась подготовка. Собственно, она свелась к получению сухого пайка – хлеба, сала, консервов. Боеприпасы в предыдущем рейде не тратили. В один из «сидоров» положили запасные батареи питания к рации.

– Видно, далеко в тыл пойдем, – сказал Михаил Алексею.

– Почему ты так решил?

– Батареи запасные берем, стало быть – надолго. Или в глубокий тыл к немцам пойдем.

Поздно вечером группу построили. Радисту тоже подобрали маскхалат, только оружия у него видно не было.

– Оружие есть? – спросил у него Фирсов.

– Пистолет.

– Может, автомат возьмешь?

– Лишняя тяжесть, – коротко ответил радист.

На самом деле для щуплого парня вес самой рации был серьезной нагрузкой, но все предложения отдать рацию более сильному разведчику Василий отверг.

– Сам понесу.

Уже знакомым Алексею путем, тем же оврагом, они перебрались через линию фронта. Фирсов особенно акцентировал на полной скрытности передвижения – видимо, задание было очень серьезным.

Шли ночами, днем отдыхали. С каждым сутками они отдалялись от линии фронта все дальше и дальше. По прикидкам Алексея, позади осталось не менее полутора сотен километров.

Конечную цель задания знал один командир. Случись боестолкновение и попади в плен один из разведчиков, он ничего не сможет рассказать о цели задания даже под пытками.

Наконец они добрались до небольшой деревушки, где и заночевали в крайней избе.

Под утро дозорный поднял тревогу – из леса к деревне вышла группа из трех человек. Разведчики заняли оборону на окраине. Фирсов предупредил:

– Без моей команды не стрелять!

Неизвестные подошли ближе, и тогда разведчики разглядели на них форму полицаев и белые повязки на рукаве.

Первым желанием у Алексея, как и у других разведчиков, было убить изменников. Но командир молчал. Алексея же останавливало еще и то, что полицаи вышли из леса, а не пришли по дороге, как должно было быть в соответствии с логикой.

Не доходя до разведчиков полсотни метров, полицаи остановились. Один из них крикнул:

– Кто такие? Аусвайс?

– Родня из Коломны привет передает, – сказал странную фразу Фирсов.

– Подаркам мы всегда рады!

Полицаи приблизились. Как понял Алексей, это был обмен паролями.

После короткого разговора командиров наедине к полицаям вышел радист. Полицаям передали запасные батареи, и они тут же попрощались.

– Все, хлопцы, задание выполнено, возвращаемся.

Фирсов был явно рад. Целью задания была проводка радиста и доставка рации в партизанский отряд.

Группа направилась к линии фронта. А дальше... дальше все пошло наперекосяк.

Едва они отошли на пяток километров от места встречи с лжеполицейскими, как наткнулись на полицейских настоящих. На санном пути навстречу им из темноты показалась одна лошададка, запряженная в сани, за ней – другая. Дозорный заметил их поздно: у

лошадей фар нет, и на фоне темного леса заметить их непросто. Разведчики среагировали мгновенно – они упали с дороги в снег.

Но полицаи имели военный опыт, и подобраны были, скорее всего, из дезертиров или перебежчиков. Они первыми открыли огонь и стали разворачивать сани. Ударили разведчики из автоматов дружно, посекали всех, только и дозорного не досчитались: он единственный погиб, оказавшись ближе всего к полицаям, и кто-то из них угодил парню прямо в грудь из винтовки.

Немцы полицаям автоматы не давали – им самим их на фронте не хватало, вооружили трофейными трехлинейками. Это группу и спасло, поскольку в ближнем бою автомат эффективнее винтовки.

Когда стрельба со стороны полицаев стихла, разведчики подошли к саням.

Все полицаи были молодые, призывного возраста. Что их толкнуло на предательство? Теперь этого уже не узнать.

От места боя разведчики уходили быстрым порядком: с бега переходили на шаг и снова бежали – надо было уйти как можно дальше. Утром трупы обнаружат и начнут искать. Ладно, если спишут на партизан. Только и у немцев грамотные следопыты есть, по следам определяют, что на неизвестных обувка немецкая, чего у партизан не бывает. Нет, партизаны сапоги немецкие носили, но не все в группе из восьми человек. Теплилась надежда, что немцы не будут рьяно расследовать нападение на полицаев. Пособники они немецкие, но не немцы же, не арийская кровь пролилась. Одним десятком русских убито больше – что с того? Ведь сам фюрер призывал убивать славян, не обременяя свою душу муками совести. «Я освобожу вас от химеры, называемой совестью!» – кричал бесноватый фюрер нации.

В разведке не принято было бросать своих убитых и раненых, но это относилось к нейтральной полосе. Раненых выносили до ближнего тыла, а убитых оставляли на месте боя. Тело убитого связывало разведчиков по рукам и ногам и не позволяло оторваться от преследования. Кроме того, перейти линию фронта с убитым товарищем крайне сложно, а то и невозможно. Группа становилась не мобильной и рисковала потерять других разведчиков, и каждый это понимал. Разведчики в рейде по тылам врага опасались не столько быть убитыми, сколько тяжело раненными – в грудь или в живот. Они боялись стать обузой для группы.

Дальше все складывалось еще хуже – дозорный был лишь первой жертвой. Уже когда разведчики подбирались к передовой и шли по ближним тылам, то вышли прямо в расположение пехотной эсэсовской роты. Это они увидели вовремя, залегли, только кто-то глазастый их засек. Немцы выдвинули бронетранспортер и стали обстреливать вроде бы чистое поле из пулемета. Разведчики отползли, добрались до лощины, потеряв троих человек.

Эсэсовцы в погоню не пустились. Что им помешало, одному Богу известно.

Ночью разведчики перебрались через вторую линию траншей, осмотрелись, наметили переход. А когда стали перебираться через траншею, из блиндажа вышел немец. Не засекли они вовремя блиндаж, за что и поплатились.

Немец сразу тревогу поднимать не стал, резонно опасаясь за свою жизнь.

Разведгруппа отползла от траншей на два десятка метров, а вдогон ей полетела граната. Потом поднялась стрельба. Благо, колючей проволоки и минного поля не было. Только из группы к своим добрались Алексей, Михаил и легко раненный в руку Фирсов – все остальные остались на «нейтралке».

Фирсова после доклада в разведотделе штаба дивизии в госпиталь отправили, а Михаил и Алексей вернулись в избу, занимаемую ранее отделением. В избе было пусто, и на душе мутно. Еще неделю назад все были вместе, живые и здоровые, а теперь их трое осталось, да и то один из них надолго выбыл из строя. Обоих влили в другое подразделение, но в рейды по немецким тылам они пока не ходили. Группа обычно срабатывалась, с полу-

слова друг друга понимали, и разбивать ее было нельзя. Конечно, если будут потери, то и Алексея с Михаилом возьмут.

Болтаться без дела не пришлось. Старшина взвода разведки нагрузил их хозяйственными работами по самое некуда, и Михаил уже через неделю взмолился:

– Лучше в рейд в немецкий тыл – старшина хуже Геббельса. Делаешь работу, делаешь, а ее все больше и больше становится.

– В армии красноармеец, который ничем не занят, для старшины, как красная тряпка для быка.

– Это ты правильно заметил.

Через два дня разведгруппа вернулась – в полном составе, но вымотанная сложным заданием.

В этот же день разведотдел дивизии отдал новый приказ – «взять языка». Старшина вызвал их к командиру взвода Мокрецову. Вошли к нему в избу, доложились.

– Садитесь. Отдохнули?

– Так точно.

– Приказ получили – «языка» взять, причем срочно. Группа только с задания вернулась, надо дать ей отдохнуть. Потому я решил задействовать вас.

– Двоих мало.

– Не учи ученого, Самохин. Приказ выполнять надо. Командиром группы пойду я сам, вы двое и старшина.

– Может втроем, без старшины? Что-то я не припомню, чтобы он на ту сторону ходил.

Вопрос был серьезным. Мало того, что группа получалась разномастной, не сработанной, так и старшина опыта не имел.

В разведгруппе недостаточно только команды командира исполнять. Замешкается разведчик, выдаст себя посторонним стуком или кашлем – мало того, что задание сорвет, так еще и группу погубит.

– Все, что ты говоришь – все правильно, Михаил. Но если ты такой умный, подскажи, кого взять?

В комнате повисло молчание.

– То-то и оно, – вздохнул Мокрецов.

– Тогда уж лучше втроем.

– Ты в разведке с первого дня, кадровый, и сам понимаешь, что втроем «языка» не взять.

Командир говорил верно. Если наметили цель – того же часового, два разведчика блокируют траншею с обеих сторон, двое идут на захват. Часовой может сильный попасться, сопротивление активное окажет, орать будет. А «спеленать» его надо тихо. И назад «языка» тащить тоже люди нужны: один впереди, двое немца тащат, один сзади отход прикрывает – у каждого в группе свои обязанности.

– Так что к вечеру будьте готовы.

– Так точно! – вскочили оба.

Поскольку предстояло взять «языка» и сразу вернуться, лишнего груза, вроде запаса продуктов, не было. Без «сидора» за плечами проще, только запас патронов. К тому же столкновение со стрельбой – это почти провал задания.

Как только начало смеркаться, оба разведчика натянули белые маскировочные костюмы, проверили оружие, перепоясались ремнями, на которых висели подсумки с магазинами и ножи. Случись непредвиденное, придется работать втихую, ножами.

К разведчикам пришел Мокрецов вместе со старшиной. Оба уже были в масках и при оружии.

– Готовы?

– Так точно!

– Попрыгали! Отлично, выходим.

Впереди шел старший лейтенант, за ним – старшина, следом – Михаил и Алексей.

Они добрались до передовой. Мокрецов и командир пехотной роты друг друга знали.

– Здорово, разведка! Что-то у тебя сегодня группа маленькая, – удивился пехотинец.

– Сколько есть. Ну-ка, шумни на правом фланге. И своих предупреди, как возвращаться будем, чтобы не постреляли.

– Вот так всегда. Тебе шумни, а у меня потери будут.

Мокрецов пожал плечами, а командир пехотной роты ушел отдавать приказания.

Вскоре на правом фланге заработал пулемет. Немцы открыли ответный огонь. Перестрелка с каждой минутой становилась все активнее.

– Называется – растревожили осиное гнездо! Как бы и самим не досталось! Пошли!

Мокрецов легко взобрался на бруствер, за ним неловко поднялся старшина. Оба разведчика замыкали группу.

Они доползли до дозора.

– Эй, бойцы! Как там с минами?

– Наших метров сто точно нет, а дальше не знаем.

– И на том спасибо.

Они быстро проползли сотню метров, потом Мокрецов повернул голову.

– Ветров, ты же сапер. Ползи вперед, пощупай землю. Мы за тобой.

Дело привычное. Алексей пополз вперед, благо морозы отпустили. По ощущениям – градусов десять всего, руки не так мерзли.

Мин Алексей не обнаружил. Они добрались до колючей проволоки, затаились. Левее их за траншеей заработал из ДОТа пулемет. ДОТ был занесен снегом и выглядел как сугроб. Если бы немецкий пулеметчик не открыл огонь, его можно было бы и не определить.

Мокрецов ткнул в ДОТ пальцем. Понятно, «языком» он решил брать пулеметчика. С одной стороны – хорошо, стенки ДОТа укроют от любопытных глаз, с другой – пулеметный расчет всегда состоит из двух человек, и потому захватывать их должны как минимум двое. Второго номера сразу надо валить насмерть, а пулеметчика глушить. Лишь бы он без стального шлема оказался. Пехотинцы в траншее касками не пренебрегали, а пулеметчики, находясь в укрытии, часто обходились без них. Шлем тяжелый, зимой холодит, а ДОТ и так защищает от пуль и осколков.

Они дождались, когда стихнет огонь, и Алексей приподнял проволоку стволом автомата. Мокрецов оставил перед проволокой старшину, шепнув:

– Прикрывать будешь.

А сам прополз под колючкой. За ним последовал Михаил, потом Алексей.

Они добрались до немецких траншей, полежали, прислушиваясь. Ни разговоров, ни шагов, ни сигаретного дымка – тишина. Постреляв, немцы попрятались в блиндажах.

Перемахнув через траншею, разведчики поползли в сторону ДОТа. Вход в него был сзади.

Разведчики залегли рядом.

Из дота слышался разговор. Причем, судя по голосам, немцев было трое. Но с тремя сразу в тесном пространстве ДОТа не совладать. Стрелять, бросать гранату нельзя, им живой «язык» нужен.

Ждали долго, около часа. Наконец, наговорившись, два немца вышли и по траншее направились в блиндаж – слышно было, как глухо стукнула дверь.

Выждав немного, Мокрецов ткнул пальцем сначала в Михаила, потом в Алексея, а потом указал на ДОТ. Ага, понятно, им двоим пулеметчика брать.

Неслышно соскользнули они в траншею и шагнули в темное чрево ДОТа. Михаил шел первым.

Немец откинул крышку, заряжая в пулемет ленту.

Михаил прыгнул на немца и ударил его кулаком в висок. Пулеметчик мешком повалился на землю. С него сдернули ремень, стянув им сзади руки, приготовленной тряпкой заткнули рот.

В проеме ДОТа возник командир:

– Ты его... он жив хоть?

– Вроде аккуратно бил.

Мокрецов наклонился, прислушался. Немец дышал.

– Беремся.

Втроем они подняли немца, вынесли его из ДОТа, перевалили его из траншеи за бруствер и выбрались из траншеи сами. Было тихо.

– Алексей, иди в ДОТ, дай очередь.

Алексей спустился в траншею и направился в ДОТ, к пулемету. Надо было выпустить несколько патронов, чтобы немцы не обеспокоились. А тем временем парни под шумок подтащат немца к колючке.

Алексей взвел затвор, задрал ствол пулемета повыше, дал короткую очередь, потом еще одну и бросился из ДОТа. Опершись обеими руками на край траншеи, он подтянулся и лег на снег. Разведчиков и «языка» поблизости видно не было. Он пополз вперед и вправо, обнаружив «следы», по которым разведчики тянули «языка».

Алексей быстро пополз вперед. «Языка» уже протащили под проволокой, и старшина держал колючку рукой.

Немец попался здоровый, тяжелый, Мокрецов и Михаил уже тяжело дышали.

Командир ткнул пальцем в старшину и Алексея. Теперь они подползли к «языку», подхватили его под локти и потащили вперед. Ползти, волоча за собой тяжелое тело, было непросто.

Мокрецов теперь полз впереди, а Михаил прикрывал отход. Ползли по своим же следам – так экономилось время, не надо было прощупывать пространство впереди себя в поисках мин.

Немец от холода очухался и начал дергать ногами.

– Не дергайся! – ткнул его старшина в бок стволом автомата.

Алексей едва не засмеялся.

– Старшина, да он же по-русски не понимает!

Но немец понял. Он скосил глаза, увидел маскхалаты и сообразил, что попал в передрягу.

Группа с «языком» добралась уже до середины «нейтралки», когда немец вдруг резко выгнулся, упираясь в землю каблуком и лопатками, вытолкнул языком кляп изо рта и заорал. Случилось это неожиданно, и пару секунд ни Алексей, ни старшина не могли сообразить, что делать. Потом Алексей сунул немцу в рот рукав ватника. Тот вцепился в него зубами, но до кожи не достал. Старшина нашел кляп и попытался воткнуть его немцу в рот, но немец, вытолкнув изо рта рукав ватника, снова заорал. Вернувшийся на крик «языка» Мокрецов поднес к его глазам нож.

– Заткнись! А то прирежу!

Угроза была неосуществима – «язык» был нужен живой, но немец замолчал. Ему вновь затолкали в рот кляп, но на немецкой стороне уже поднялась тревога. Послышались выкрики, потом стали стрелять. Разведчиков в маскхалатах видно не было, а шинель немца выделялась на снегу темным пятном. Алексей выпустил локоть немца и обеими руками набросал на пленного снега.

Однако немцы решили не дать русским разведчикам возможности дотащить «языка» живьем и стали обстреливать «нейтралку» из минометов. Взрывы раздавались все ближе и ближе.

– Быстрее, твою мать! – приказал Мокрецов.

Но пленный и сам понял, какую беду он навлек на себя, и стал помогать ползти, отталкиваясь каблуками от земли.

Мины стали падать чаще и ближе. Все втроем свалились в свежую, еще курящуюся дымком воронку. Мокрецов спрятался в другую, и между разрывами прокричал:

– Живы?

– Покамест.

– Сидите там, пока налет не кончится.

С нашей стороны решили прикрыть разведчиков и дали по немецким траншеям залп батареи 76-миллиметровых дивизионных пушек. Взрывы накрыли немецкую траншею. Однако минометный обстрел не утихал – немецкая батарея была в глубине обороны.

Через четверть часа обстрел стих, и разведчики снова тронулись в путь, таща за собой пленного. Наконец их окликнул часовой:

– Разведка, это вы?

– А ты еще кого-то ждешь? – пошутил Мокрецов. Все-таки задание выполнено, «язык» доставлен.

Пленного опустили в траншею и вытащили кляп, чтобы он не задохнулся.

– А где Самохин?

– До минометного обстрела был, я его видел, – ответил Алексей.

Однако, как ни вглядывались в темноту все трое, никакого движения они не заметили.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите сползать на «нейтралку» – узнать, что с Михаилом?

– Давай.

Алексей перемахнул бруствер и дополз до окопчика часового.

– Эй, земляк, ты стонов или движения со стороны «нейтралки» не замечал?

– Нет, тихо все.

– Товарищ наш не вернулся. Я туда сползаю, ты с испугу не выстрели.

– Да что же я, слепой, что ли? – обиделся боец.

Ползти по старым следам, да еще не толкая пленного, было сподручно.

Вот и воронка от мины, где они укрывались втроем.

Алексей пополз вперед и увидел Михаила. Он тоже забрался в воронку, спасаясь от обстрела, но его ранило в ноги осколками. Брючины маскхалата пропитались кровью. Михаил лежал без сознания, дышал часто и хрипло.

Алексей достал свой индивидуальный перевязочный пакет, зубами разорвал прорезиненную ткань и прямо поверх брюк перебинтовал ногу Михаилу. Второй пакет нашел в кармане у Михаила и перебинтовал ему вторую ногу. Разрезать штаны в мороз Алексей не рискнул – можно было отморозить парню ноги, а ему в госпиталь быстрее надо.

За руки Алексей вытащил Михаила из воронки, лег рядом с ним на бок, закинул руку Михаила на себя и перевернулся на живот. Теперь Михаил лежал на нем. Ползти стало тяжело, но как еще в одиночку тащить раненого? Второго человека бы сюда!

Путь до окопчика дозорного показался длинным, глаза заливал пот. Михаил постанывал.

– Терпи, земля, скоро наши, – шептал ему Алексей. Конечно, он больше себя успокаивал, ведь Михаил его не слышал.

– Эй, разведчик, это ты? – окликнули его из окопа.

– Привидение! Помог бы лучше, – не сдержался Алексей.

Дозорный встал во весь рост – все равно темно, немцы не видят – и добежал до разведчиков.

– Бери за ноги, – скомандовал ему Алексей. Сам он взял раненого за руки.

Быстрым шагом они добрались до траншеи и спустили Михаила вниз, где его приняли старшина и Мокрецов. Дозорный вернулся в свой окоп.

– Ранен осколками в ноги. Санитара бы ему и в госпиталь – крови много потерял.

– Это мы сейчас, – старшина убежал по траншее и вернулся с долговязым солдатом.

На его боку болталась санитарная брезентовая сумка.

Санитар бегло осмотрел раненого.

– В тыл надо, здесь я ничего не сделаю.

– Так давай в тыл, чего встал? – взорвался Алексей.

– Ладно. Ты, Ветров, оставайся здесь со старшиной, помогите Самохина в тыл отправить. А я пленного в разведотдел доставить должен. Век! – Мокрецов толкнул немца в спину.

Комвзвода с пленным ушли. Зато появился санитар с импровизированными носилками – просто к двум жердям был прибит гвоздями кусок брезента.

– Кладите и понесли.

Они попетляли по траншее, цепляясь жердями за стенки на изгибах, потом повернули в тыл. Метров через триста, когда уже и руки не держали, спустились в лощину. Там уже стояли сани-розвальни с кучером в тулупе. Лошаденка была заботливо прикрыта суконной попоной.

Михаила переложили в сани, санитар уселся рядом.

– Но, милая! Трогай! – ездовой чмокнул губами, и лошадка бодро потянула сани.

– Ну что, Ветров, идем в свое расположение.

Пока они дошли, стало светать. Алексей был удручен: с Михаилом они сошлись характерами, он был ему как старший брат – учил премудростям разведки. А теперь он вроде как осиротел, родственника потерял.

В теплой избе Алексей стянул с себя маскхалат, сапоги и улегся спать. Устал он сегодня, намаялся.

Что самое интересное – в последующие дни старшина не приставал к нему с хозяйственными поручениями.

Алексей отоспался, отъелся, отдохнул.

А через несколько дней в дивизию прибыло пополнение.

В избу разведчиков пришел Мокрецов.

– Ветров!

– Я!

– Хватит бока отлеживать, пополнение прибыло, к себе в разведку людей отбирать будем. Собирайся!

Голому собраться – только подпоясаться.

Старший лейтенант критически оглядел его:

– Вид у тебя, Ветров, какой-то не геройский.

– Какой есть.

– Медали ему на грудь не хватает, товарищ комвзвода! – вынырнул из-за плеча Мокрецова старшина.

– Будут еще медали, старшина! Ветров у нас недавно, но уже проявил себя достойно!

Они пришли к штабу дивизии. Здесь уже построились бойцы маршевой роты. По традиции, первым выбирал себе пополнение Мокрецов.

– Фронтовики есть? Шаг вперед!

Из строя шагнули вперед десятка два солдат.

– Я командир разведвзвода старший лейтенант Мокрецов. Желающие служить в разведке есть? Только добровольцы!

Сделали еще шаг вперед человек восемь.

– Ко мне!

Добровольцы подбежали к старшему лейтенанту.

– Отойдем в сторонку.

Дальше отбирали себе пополнение из вновь прибывших артиллеристы, минометчики, связисты. В пехоту попадал разряд – «необучен, годен к строевой».

А Мокрецов стал опрашивать добровольцев – кто, где служил, сколько был на фронте, как попал в маршевую роту. Двоих он сразу отобрал во взвод: один служил в разведке еще в финскую войну, второй был пограничником. Еще двое были спортсменами, ребятами подтянутыми. Таких обучить, поднатаскать немного – и будут не хуже старожилов взвода. Хотя слово «старожил» для фронтовой разведки не совсем подходящее: состав взвода быстро менялся из-за гибели или ранений бойцов.

Двое воевали в пехоте, были в окружении – мужики на немцев злые, хлебнувшие лиха. А двоих комвзвода отправил назад, в общий строй. Повоевать они почти не успели – выбыли в госпиталь по ранению, да и физически были слабые. Таких месяц откармливать надо и только потом обучать. Но на это не было времени. Разведвзвод – не санаторий. Поступит приказ – его исполнять надо.

Командир взвода переписал фамилии бойцов, собрал красноармейские книжки и пошел в штаб – нужно было внести новобранцев в списки части.

Бойцы обступили Алексея:

– Ты из разведки?

– Так точно.

– И как там?

– Скоро все сами увидите.

– Что же у тебя ордена или хотя бы медали нет?

– Стало быть, не заслужил еще.

Бойцы отошли с разочарованными лицами. А чего они хотели? Чтобы он про лихие подвиги им рассказал? Так не было подвигов, была только трудная, тяжелая и очень опасная солдатская работа. Был холод, зачастую – недоедание, грязь – вот что такое разведка.

Мокрецов вышел из штаба повеселевший, раздал бойцам их документы.

– Ветров!

– Я!

– Веди пополнение во взвод. Пусть старшина организует, у кого чего не хватает, оружие выдаст. А то как с гауптвахты! – и ушел в штаб.

– Пошли, орлы!

Маршевая рота с удивлением смотрела, как пополнение разведвзвода нестройно зашагало в сторону деревни. А как же строй, удалая песня? Если это и было, так в далеком тылу.

Старшина выдал пополнению теплые кальсоны, портянки, заменил брезентовые поясные ремни на кожаные. Потом спросил у Алексея:

– Какое оружие командир приказал им выдать?

– Не сказал.

– Сам-то как думаешь?

– Ты старшина, тебе думать надо. Я бы автоматы выдал.

– С автоматами беда. Советских – один ППД и один ПППШ только. А с немецкими разрешено только в рейды.

– Дай трехлинейки тогда. Когда придет время к немцам в тыл идти, заменишь.

Старшина так и сделал.

Наутро Мокрецов выстроил пополнение.

– Сейчас пойдем стрелять – поглядим, на что вы способны.

Для стрельбы использовался неглубокий овраг километрах в трех от штаба. Устроить стрельбище ближе – штабные всполошатся: не немцы ли окружают? В 41—42-м годах окружения панически боялись.

К снарядным ящикам прикрепили бумажные мишени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.